

ВАМ МЕНЯ НЕ ИСПУГАТЬ

*Мы с друзьями
совершили нечто ужасное*

ДЖЕННИФЕР МАКМАХОН
NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Дженнифер Макмахон

Вам меня не испугать

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22966123
Макмахон, Дженнифер. Вам меня не испугать : [роман]:
Издательство «Э»; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-94763-8

Аннотация

В сонном городке Брайтон-Фоллс появляется серийный убийца по прозвищу Нептун. Прежде чем расправиться с жертвой, он держит ее взаперти пять дней, а затем выставляет тело на всеобщее обозрение у полицейского участка.

Очередная похищенная – бывшая фотомодель Вера Дюфрен. У Реджины, дочери Веры, и ее друзей Тары и Чарли – пять дней, чтобы не допустить трагедии.

Проходит более двадцати лет. Реджина получает известие, что ее мать обнаружена живой в приюте для бездомных. Но как только Реджина возвращается за ней в Брайтон-Фоллс, Нептун вновь дает о себе знать. Он похищает Тару. Реджина бросается на поиски подруги и вскоре получает недвусмысленное предупреждение – она будет следующей.

Содержание

Отрывок из книги Марты С. Пэкэтт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»	6
Последняя жертва Нептуна	8
Часть I	12
Отрывок из книги Марты С. Пэкэтт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»	12
16 октября 2010 года. Рокленд, штат Вермонт	16
1976 год. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут	28
16 октября 2010 года. Рокленд, штат Вермонт	40
26 мая 1985 года. Брайтон-Фоллс, Коннектикут	55
16 октября 2010 года. Уорчестер, штат Массачусетс	74
27 мая 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут	81
Отрывок из книги Марты С. Пэкэтт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»	98
16 ноября 2010 года. Уорчестер, штат Коннектикут	100
Отрывок из книги Марты С. Пэкэтт «Руки	108

Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»	
1 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, Коннектикут	110
16 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут	129
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Дженнифер Макмахон

Вам меня не испугать

Jennifer McMahon

The One I Left Behind

Copyright © Jennifer McMahon, 2012

This edition published by arrangement with Writers
House LLC and Synopsis Literary Agency

© Савельев К., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Э», 2017

Отрывок из книги Марты С. Пэкетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»

Сначала появились руки – правые кисти, ровно отрезанные у запястья. Они появились на гранитном крыльце полицейского участка в пустых красно-белых пакетах из-под молока с фотографиями пропавших детей на обратной стороне. Пакеты были закрыты сверху, завернуты в толстый воощеный пергамент и аккуратно перевязаны тонкой бечевкой, словно коробка пирожных.

Судмедэксперт посоветовал полицейским обратиться к хирургу или к мяснику, знакомому с устройством костей и сухожилий. Казалось, он восхищался мастерством убийцы, как будто видел нечто прекрасное в четких обрубках, настолько совершенных, что было трудно представить их прикрепленными к чему-либо еще, наделенных собственным бытием.

После удаления рук убийца держал женщин живыми ровно пять дней. Он относился к ним бережно, прижигал и бинтовал обрубки, делал инъекции морфина от боли и ухаживал за ними, как за редкими орхидеями.

Наутро через пять суток он душил их, а потом выставлял их тела напоказ в общественных местах: на лужайках, в городском парке, на газоне перед библиотекой. Все женщины были обнаженными, если не считать повязок – ослепительно-белых, любовно завернутых, словно маленькие коконы, – на местах отрезанных кистей.

Последняя жертва Нептуна

Когда она приходит в себя, первым делом проверяет свои руки. Она не знает, как долго пробыла без сознания. Несколько часов? Несколько дней? Она лежит на спине с завязанными глазами; вытянутые над головой руки прикреплены к металлической трубе. Кисти у запястий обмотаны клейкой лентой, но обе руки по-прежнему на месте.

Спасибо тебе, спасибо, дорогой Иисус и сладчайшая Дева Мария, ее руки все еще целы. Она шевелит пальцами и вспоминает песенку, которую напевала мать:

Где ты, где ты, Большой Пальчик?

Вот он я, вот он я.

Как ты поживаешь, мальчик?

Все чудесно у меня.

Убегай, убегай...

Ее лодыжки тоже плотно обмотаны клейкой лентой, и в ступни впиваются сотни иголок и булавок.

Она слышит дыхание Нептуна, которое звучит в хрипловатом ритме почти механически: вдох, выдох. Чук-чук, пуфф-пуфф. *Думаю, я смогу, думаю, что смогу.*

Нептун снимает повязку, и свет режет глаза. Она видит лишь темный силуэт, склонившийся над ней, но не лицо

Нептуна, а все лица: матери, отца, Люка из булочной, где продавали горячие пончики, своего приятеля из средней школы, который никогда не трогал ее, но любил мастурбировать, пока она смотрела. Она видит потемневшее стеклянное лицо Иисуса, видит глаза безногой женщины, которая просила милостыню перед заведением Денни во время утренней толкотни за завтраком. Все эти лица вращаются как хоровод масок на лице Нептуна, и ей приходится закрыть глаза, потому что если она будет смотреть слишком долго, то закружится голова и ее стошнит.

Нептун улыбается, глядя на нее сверху вниз; его зубы блестят, как полумесяц в ясную ночь.

Она пытается отвернуться, но после недавней схватки у нее ноет шея, и она может повернуть голову лишь на долю дюйма, прежде чем режущая боль заставляет ее остановиться. Судя по всему, они находятся на каком-то складе. Холодный бетонный пол. Изогнутые металлические стены, увешанные электропроводкой. Повсюду валяются коробки. Какие-то старые механизмы. Пахнет как на сельской ярмарке: гнилыми фруктами, жиром, сеном и жженым сахаром.

– Так не должно было случиться, – говорит Нептун. Он цокает языком и неодобрительно качает головой.

Нептун начинает насвистывать и расхаживает вокруг нее, словно в танце, приподнимаясь на носках, с легкими поворотами влево и вправо. Его туфли из дешевой искусственной кожи совсем исцарапаны, стертые гладкие подошвы едва

ли не скользят по полу. Внезапно Нептун застывает на месте и еще раз внимательно смотрит на нее, потом перестает свистеть, отворачивается и уходит. Его шаги эхом отдаются от бетонного пола. Тяжело хлопает деревянная дверь. Засов встает на место, щелкает замок.

Ушел. На какое-то время.

* * *

Инструменты разложены на подносе неподалеку: зажимы, резиновый жгут, скальпель, маленькая пила, пропановая горелка, рулоны бинтов и марли, толстые хирургические тампоны, металлический совок, плотная белая ткань. Нептун оставил эти вещи там, где она могла видеть их. Это часть игры.

Сукин сын. Сукин сын, сукин сын...

«Прекрати, – говорит она себе. – Думай, а не паникуй».

Завтра утром на крыльце полицейского участка появится еще одна рука в картонке из-под молока. Только теперь это будет *ее* рука. Она смотрит на пилу, сглатывает комок в горле и закрывает глаза.

«Думай, черт побери».

Она крутит запястьями, пытаюсь избавиться от клейкой ленты, но это ничего не дает.

Она открывает глаза и снова видит инструменты, перевязочный материал и пилу с маленькими серебристыми зубья-

ми.

Кто-то стонет слева от нее. Медленно, словно артритная старуха, она поворачивает голову налево и прикасается щекой к холодному сырому полу.

– Ты! – удивленно, но с облегчением произносит она.

Женщина прикручена изолентой к литой железной трубе на противоположном конце склада.

– Я могу вытащить нас отсюда, – обещает она.

Женщина поднимает голову и открывает заплывшие глаза. Она начинает смеяться; разбитая губа трескается и заликает кровью ее подбородок.

– Мы обе мертвы, Дюфрен, – говорит она. Ее голос слабый и надтреснутый – огонь, который она так и не смогла разжечь.

Часть I

Отрывок из книги Марты С. Пэкетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»

Шел 1985 год, и звуки песни Мадонны «Like a Virgin» лились из каждого кассетного магнитофона. Дети выстраивались в очередь, чтобы посмотреть на Майкла Дж. Фокса в фильме «Назад в будущее». А в сонном маленьком пригороде Брайтон-Фоллс, в штате Коннектикут, Нептун убивал женщин.

Брайтон-Фоллс, расположенный к северо-западу от Хартфорда и немного южнее аэропорта, первоначально был фермерской общиной, которая быстро превратилась в пригород. Люди, работавшие в Хартфорде, где страхование недвижимости стоило дорого, перевозили свои семьи в такие места, как Брайтон-Фоллс – в уютные спальные районы с хорошими школами, свежим воздухом и без преступности.

Самые главные магазины находились на Мэйн-стрит: булочная Люка, аптека Райта, семейный рынок Ферраро, хо-

зыйственный магазин Парсона и «Бар и гриль» Дюшесса. За этими заведениями, на узких поперечных улицах, можно было найти полицейский участок (совмещенный с пожарной станцией) из серого гранита, кукольный магазин, «Дом орехов» Джоанны, две книжные лавки (одна специализировалась на подержанных любовных романах), три церкви, ателье Тэлбота, магазин автозапчастей и принадлежностей, кафе-мороженое Карвела, химчистку Бэрстона и магазин для домашних питомцев «На конце поводка».

Большая часть Брайтон-Фоллс имела идиллический вид, но когда вы пересекали реку и оставляли позади водопад и старые мельницы, переделанные в жилые дома, по мере движения на север к аэропорту, мимо накрытых от солнца табачных полей и покосившихся амбаров, дорога расширялась с двух полос до четырех. Здесь были торговые центры, огороженные заводы, пустые участки, рестораны фастфуда, мотели, где вы могли заплатить за час или за неделю, кинотеатры с порнофильмами, бары и салоны, где торговали подержанными автомобилями. Это были места, которые работники страховых компаний считали ничьей землей, районы, куда они избегали заглядывать во время еженедельных разъездов на служебных автомобилях. Здесь шум и хаос большого аэропорта были особенно явственными и угрожающе распространялись в сторону пригородов.

Помимо редких арестов за пьяное буйство в одном из баров по дороге в аэропорт самым крупным преступлением,

с которым полиции приходилось сталкиваться за последние годы, был случай, когда сын мэра перебрал спиртного после выпускного вечера, проехал на красный свет и устроил городскую гонку с полицейскими, закончившуюся после того как он утопил свой «Мерседес» в плавательном бассейне загородного клуба. Последнее убийство произошло в 1946 году, и оно было совершенно очевидным: мужчина застрелил брата, застав его в постели со своей женой.

В убийствах Нептуна не было никакой ясности.

Его жертвы, на первый взгляд, не имели между собой ничего общего: бухгалтерша с двумя детьми; официантка, работавшая по скользящему графику в кафе-закусочной «Серебряная ложка»; студентка факультета режиссуры из Уэслианского университета в Огайо; бывшая модель, превратившаяся в пьянчужку. Полиция пребывала в замешательстве.

В конце концов, у всех – у полиции, родных жертв и жителей Брайтон-Фоллс – осталось больше вопросов, чем ответов. Почему Нептун отрезал правые руки у своих жертв? Почему он держал их живыми еще пять дней после того, как оставлял их руки в картонках из-под молока на крыльце полицейского участка? И чем отличалась от остальных его последняя жертва, бывшая гламурная дама Вера Дюфрен? Почему ее тело так и не нашли?

И, возможно, главный вопрос: был ли он перекаати-полем, сделавшим недолгую остановку на своем кровавом пути, или остался в городе и жил среди них? Что заставило его остано-

виться? И каждый вечер, когда жители Брайтон-Фоллс запирали двери на ночь, они задавали себе один и тот же вопрос: будет ли он убивать снова?

16 октября 2010 года. Рокленд, штат Вермонт

Представь, что твой дом горит. У тебя есть ровно минута, чтобы забрать с собой все, что можно спасти. Что ты выберешь?

Тара перевернула маленькие пластиковые часы, заполненные розовым песком. Ее ногти были выкрашены темно-синим, местами облупившимся лаком. Ее лицо было бледным, а губы неестественно красными, когда она улыбнулась и выдохнула одно слово: «*Давай*».

Реджи промчалась по передней, притормозив у края узкой дубовой лестницы, и прыжками понеслась вверх, держа одну руку на изогнутых змеевидных перилах, а другую – на прохладной стене из серого камня.

– У тебя в легких полно дыма! – крикнула снизу Тара. – И глаза слезятся!

Реджи набрала в грудь воздуху, рывком распахнула дверь в свою комнату и обвела взглядом забитые книжные полки, стол с разбросанными эскизами и аккуратную кровать, накрытую стеганым лоскутным одеялом, которое сшила бабушка. Реджи сразу же направилась к стенному шкафу, двигаясь словно в замедленной съемке, пробираясь через невидимый дым и закрыв глаза от едкой копоти. Она нащупала

раздвижную дверь и открыла ее: металлические колесики загремели в пазах. Реджи подалась вперед и нащупала одежду, висевшую на плечиках. Она потянулась к верхней полке.

– Поспеши, – прошептала Тара, которая теперь стояла прямо за ней и обдавала ее шею теплым, влажным дыханием. – Времени почти не осталось.

* * *

Реджи открыла глаза и глотнула свежего, холодного октябрьского воздуха. Она была дома, в Вермонте, а не в особняке «Желание Моники». И ей было тридцать девять лет, а не тринадцать.

– Проклятье, – сказала она, и слово вырвалось изо рта облачком белого пара. Она снова оставила окна открытыми.

Завернувшись в стеганое одеяло, как в пелерину, она встала с постели, подошла к окнам и закрыла их. Деревья, еще на прошлой неделе окрашенные в яркие оранжевые, желтые и красные цвета, начали терять свою красоту. За последние три дня холодный ветер унес много листьев. Далеко над озером клин канадских гусей направлялся на юг.

– Вы не знаете, чего лишаетесь, – сказала им Реджи и со вздохом добавила: – Трусишки несчастные.

Она прищурилась и посмотрела на озеро, представляя, каким оно будет через три месяца – замерзшим и заснеженным, превратившимся в плоскую белую пустыню. Оно ма-

ло отличалось от пруда Рикера, где мать учила ее кататься на коньках. Реджи ясно помнила это: ее мать в зеленом бархатном пальто с шарфом из золотистого шифона описывала изящные круги, а Реджи виляла и падала на потрескивающий лед. «Ты уверена, что он надежный?» – спрашивала она каждый раз, когда слышала этот звук. Мать смеялась в ответ. «Трусиска, – поддразнивала она, выкатываясь прямо на середину, где лед был тоньше всего, и протягивая руки Реджи. – Давай сюда и покажи, из какого теста ты сделана».

Реджи тряхнула головой и отделалась от воспоминания, как и от тяжелого стеганого одеяла. Она быстро натянула джинсы, надела свитер и отправилась вниз на кухню, шлепая босиком по прохладным доскам.

Она расположила свой дом таким образом, чтобы видеть озеро практически с любого наблюдательного пункта. Когда она спустилась по лестнице, оказалась перед большими окнами на южной стороне, выходившими на двор, окрестный луг и край озера Эрроу. От ее дома до берега было немногим больше полумили, но, когда она спускалась вниз, ей казалось, что она может шагнуть в воздух и проплыть через гостиную, через окна, двор и поле до самого озера. Иногда она ловила себя на том, что пытается сделать это: слишком наклоняется вперед и слишком далеко выставляет ногу, так, что едва не пропускает следующую ступеньку. Это были моменты, отмечавшие ее архитектурные успехи, – не призы, хвалебные речи и высокая оценка коллег, а путь вниз по соб-

ственной лестнице, который хотя бы на секунду заставлял ее поверить, что она может превратиться в пух одуванчика и проплыть по воздуху до самого озера.

Хорошее архитектурное сооружение должно четко вписываться в ландшафт. Оно не должно выглядеть так, словно возникло из ниоткуда по случайной прихоти; оно должно вырастать органично, формируемое ветром и дождем, словно высеченное из скалы. Комнаты перетекают не только из одной в другую, но и в окружающий мир.

Журнал «Четыре стены» совсем недавно назвал Реджи одним из лучших экологических архитекторов на северо-востоке США и называл дом в стиле Снайдера/Валленстайна, построенный по ее проекту в Стоу, «головокружительным соединением архитектуры с природой, где ручей протекает через гостиную, а 120-летний дуб прорастает через все три этажа. Дюфрен создала экологическое жилье, где линии интерьера органично сливаются с очертаниями внешнего мира».

Слияние и объединение – в этом была сила Реджи. Внешнее и внутреннее, старое и новое, прикладное и декоративное... Ее дар заключался в сочетании непохожих идей и объектов и в создании того, что было ни тем, ни другим, но в чем-то большим суммы его частей.

Все еще сонная и испытывающая сильную потребность в кофеине, Реджи сполоснула маленькую кофеварку-эспрессо из нержавеющей стали, наполнила ее водой и кофе, постави-

ла на газовую плиту и зажгла огонь. Ее кухня была мечтой повара (хотя, честно говоря, Реджи мало готовила и обходилась, главным образом, сырыми овощами, сыром, крекерами и эспрессо), вплоть до огромной итальянской кофемашины, которой Реджи пользовалась, только когда приглашала гостей. Она предпочитала маленькую кофеварку, которая была у нее еще в колледже. Она была простой в использовании и неприхотливо-изящной: воплощение хорошего дизайна.

Вода закипела. Кофе пошел пузырьками, наполнив комнату сочным, земным ароматом.

Реджи посмотрела на часы: 7.15. Она отправится в офис и устроит мозговой штурм для нового проекта, потом сделает пробежку вокруг озера, примет душ и еще немного поработает над эскизами. Подняв взгляд, она увидела, как цифра на часах изменилась на 7.16.

«Представь, что твой дом горит. У тебя есть ровно минута, чтобы забрать с собой все, что можно спасти. Что ты выберешь?»

Реджи обвела взглядом свой дом и почувствовала, как всколыхнулась старая паника. Потом Реджи сделала глубокий вдох и вслух ответила своей старинной подруге:

– Ничего, Тара. Я не выберу ничего.

Ее дыхание успокоилось, мышцы расслабились. Тара больше не имела над ней такой власти.

Реджи было уже не тринадцать лет. Она понимала, что одни предметы можно заменить другими. Потеря дома будет

тяжким ударом, но дом можно отстроить заново. У нее было очень мало мебели. Ее стенной шкаф был полон лишь наполовину. Лен, с которым они уже некоторое время были близки, иногда поддразнивал ее:

– Для успешного взрослого человека ненормально, когда он может уместить все свои пожитки в пикапе.

Он говорил это, глубоко засунув руки в карманы поношенных кархартовских¹ брюк, с мальчишеской ухмылкой на лице, выявлявшей ямочку на правой щеке. Лен жил один в старом и обветшавшем сельском доме, комнаты которого были заполнены книгами, мебелью и всевозможными украшениями, плохо сочетавшимися друг с другом.

– Это моя цыганская кровь, – говорила она и подходила ближе, чтобы чмокнуть его в щеку.

– Как же, цыганская, – ворчал он. – Ты живешь как преступница в бегах.

* * *

Реджи вернулась наверх с чашкой тройного эспрессо в руке, сунула ноги в тупфи-сабо и открыла дверь на мост, ведущий к домику на дереве, где находился ее офис. Она вдыхала запахи древесного дыма, сырых листьев и яблок, гниющих на земле в заброшенном саду к востоку от ее участка. Был

¹ «Кархарт» – компания по производству одежды для работы и отдыха на природе.

идеальный день для середины октября. Пятнадцатифутовый подвесной мост слегка раскачивался под ее весом, и сначала она шла медленно, глядя то на двор и подъездную дорожку внизу, то на озеро Эрроу в отдалении. Она называла этот мостик «мостом Чарли», хотя Чарли даже не знал о его существовании. Она никому не сообщала тайное название моста и не рассказывала стоявшую за ним историю. Что она могла рассказать? *«Я назвала его в честь парня, который однажды заявил мне, что такой мост построить невозможно».*

Зазвонил телефон в ее офисе. Она пробежала последнюю пару ярдов, едва не пролив по пути эспрессо.

Она открыла дверь, которую никогда не запирала, – попасть туда можно было, только перейдя по подвесному мосту из ее дома или забравшись на девятиметровую высоту по стволу дуба, на котором стоял деревянный домик. Офис был круглым, двенадцати футов в поперечнике, с древесным стволом в центре и окнами со всех сторон. Лен назвал его «диспетчерской вышкой».

Здесь стояли компьютерный стол и деревянный чертежный столик. Имелась также небольшая доска с заметками по последнему проекту, напоминанием позвонить клиенту и пришпиленной астрологической картой, которую составил для Реджи Лен. Она не верила в «уютный беспорядок» и не держалась за вещи, не имевшие для нее важности, поэтому на книжной полке стояли лишь те книги, к которым она обращалась снова и снова, которые повлияли на нее. «Поэти-

ка пространства», «Язык фактуры», «Непреходящие основы строительства», «Дизайн вместе с природой», «Заметки о синтезе форм», а также небольшая коллекция справочников о природе. Здесь и там среди книг попадались другие замечательные источники вдохновения для Реджи: птичьи гнезда, раковины, шишки, камни причудливой формы, круглое, бумажно-тонкое осиное гнездо, семенные коробочки молочая, желуди и древесные грибы.

Реджи пошла к телефону на столе, споткнулась и плеснула на руку горячий кофе.

Вот проклятье! Зачем она так торопится? Чей голос она ожидает услышать в трубке? Чарли? Маловероятно. В последний раз они поговорили после случайной встречи в бакалейном магазине незадолго до того, как оба окончили разные школы. Возможно, Тара хочет еще раз подшутить над ней и сказать, что у нее осталось шестьдесят секунд, чтобы собрать все, что ей дорого?

Нет. На самом деле она думала, что это снова *Он*.

Она годами получала эти звонки: сначала дома, потом в колледже, потом в каждой квартире и доме, где она когда-либо жила. Он никогда не говорил ни слова. Но она слышала его дыхание и почти ощущала прикосновение зловонной влаги к своему здоровому уху. Каждый вдох и выдох глумился над ней и словно говорил: «*Я знаю, как тебя найти*». И она каким-то образом была уверена, она просто знала, что это Нептун. Однажды он раскроет рот и заговорит с ней. Она

представляла, как это будет: его голос, шелестящий в телефоне, как вода, льющийся в ее ухо, протекающий *через нее*. Возможно, он скажет ей то, что она всегда хотела узнать: что он сотворил с ее матерью и почему она была единственной жертвой, чье тело так и не нашли. Другие тела были выставлены напоказ, но все, что осталось от Веры, – это ее правая рука.

Что отличало ее от остальных?

– Алло? – пробормотала Реджи.

«Скажи что-нибудь, – пожелала она. – Не молчи на этот раз».

– Реджина? Это Лорен.

– Ох. Доброе утро, – сказала Реджи, скрипнув зубами. Она поставила маленькую керамическую чашку и потрясла обожженной рукой, раздраженная тем, что поторопилась из-за Лорен. Какого черта ее тетушка звонит так рано? Обычно она звонила по воскресеньям в пять вечера. И Реджи часто не оказывалось на месте – или, по крайней мере, она делала вид, будто ее нет, – пряталась в углу, как ребенок, с бокалом «пино нуар» в руке, словно красный глазок автоответчика мог видеть ее, и слушала бестелесный голос своей тети.

– Мне только что позвонила сотрудница социальной службы. – Это было типично для Лорен: переходить прямо к делу без ненужных преамбул насчет погоды и глупых фраз вроде «У нас все хорошо, а как у тебя?». Последовала долгая пауза, Реджи ждала продолжения. Но так и не дождалась.

– Позволь догадаться, – сказала Реджи. – Она слышала о том, какая мы несчастная разделенная семья, и предложила свои услуги?

Она почти видела, как Лорен закатывает глаза, а потом с неодобрительным видом смотрит поверх очков на кончик своего носа. Лорен стояла на кухне с выцветшими обоями, и ее волосы были так туго стянуты в узел на затылке, что разгладились морщины на лбу. Конечно же, она носила старый рыбацкий жилет дедушки Андре, весь в пятнах и насквозь провонявший мокрой форелью.

Реджи взяла чашку кофе и сделала глоток.

– Нет, Реджина. Похоже, они нашли твою мать. Живую.

Реджи выплюнула кофе и уронила чашку на пол, глядя, как она падает в замедленном движении и черный кофе расплескивается по экологически чистым доскам.

Это невозможно. Всем известно, что ее мать мертва. По ней отслужили поминальную службу двадцать пять лет назад. Реджи до сих пор помнила орду репортеров снаружи, священника, от которого несло спиртным, и дрожащий голос Лорен, когда она читала стихотворение Эмили Дикинсон «Я не могу остановиться ради смерти».

– Что? – наконец прошептала Реджи.

– Они вполне уверены, что это она, – спокойно и деловито ответила Лорен. – Судя по всему, последние два года она с перерывами жила в приюте для бездомных.

– Но как... как они узнали?

– Она сама им сказала. У нее нет правой руки. Наконец, полицейские сняли ее отпечатки: все совпадает.

Сердце Реджи сделало медленный, холодный кульбит по направлению к желудку. Она закрыла глаза и снова ясно увидела то время: мать катается по льду на пруду Рикера, выписывая идеальные восьмерки. Потом она протягивает руку Реджи, и они начинают кататься вместе посреди пруда. Они смеются с раскрасневшимися щеками, их дыхание вырывается наружу маленькими облачками, а лед шуршит и постанывает у них под ногами, как живое существо.

– Есть кое-что еще, – продолжала Лорен своим деловитым, жестким тоном. – Твоя мать находится в больнице. У нее хронический кашель, и она в конце концов согласилась пройти рентгеноскопию. Подозревали пневмонию или туберкулез, но нашли крупную опухоль. Это рак. Возможно, у нее осталось немного времени.

Теперь Реджи потеряла дар речи, пытаясь переварить одну безумную новость вслед за другой. Все это казалось жестокой шуткой. «Твоя мать жива. Но она умирает».

Реджи опустилась на пол, прямо в разлитый кофе.

– Я хочу, чтобы ты поехала в Массачусетс и забрала ее, Реджина. Я хочу, чтобы ты отвезла ее в «Желание Моники».

– Я?

– Теперь я больше не вожу машину. Катаракта.

– Но я... – промямлила Реджи.

– Мне нужно, чтобы ты это сделала, – перебила Лорен.

Затем, словно ощутив неуверенность племянницы, она добавила: – Ты нужна своей матери.

Реджи откинула волосы и нащупала пальцами свои шрамы.

– Хорошо, – сказала она.

Домой. Она возвращается домой.

1976 год. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

Самое раннее воспоминание о матери начиналось с того, как мать удержала яйцо в вертикальном положении, и заканчивалось тем, как Реджи потеряла свое левое ухо.

Ей было пять лет, когда мать отвезла ее в бар на Эйр-порт-роуд. Реджи крутилась на красном виниловом табурете, довольная тем, что изобрела собственный трюк, пока Вера готовила свой фокус для посетителя, который обещал поставить ей выпивку, если все получится. Реджи отталкивалась и кружилась, каждый раз слегка задевая ноги матери, и старалась не встречаться взглядом с мужчиной, сидевшим слева от нее, с которым мать заключила пари. Это был смуглый тип с выпученными глазами и прилизанными намасленными волосами, в тонком кожаном пиджаке, который не застегивался на животе. Его горбатый нос был заметно искривлен, как будто его неоднократно ломали. Реджи про себя назвала его Боксером.

Боксер называл Реджи «чемпионкой» и подмигивал девочке лягушачьим глазом, пока Вера аккуратно посыпала солью барную стойку.

Секрет фокуса заключался в том, что яйцо должно было к чему-то прилипнуть, чтобы стоять вертикально.

Мать Реджи, Вера Дюфрен, которая ловко проделывала фокус с яйцом, была поразительно похожа на Джейн Мэнсфилд² – с пышным бюстом и густой копной платиновых волос, ниспадавшей на изящные плечи. Она была выбрана королевой выпускного бала и после окончания школы в 1969 году отправилась в Нью-Йорк с надеждой на карьеру актрисы. Для оплаты счетов, пока она исполняла второстепенные роли в небольших театрах за пределами Бродвея, она начала подрабатывать моделью. Почти сразу же стала лицом крема «Афродита», и ее фото можно было увидеть в журналах и универмагах по всей стране. «Относись к себе, как к богине», – гласил рекламный лозунг. Внезапная рекламная слава принесла Вере новую актерскую работу, включая первую главную роль после звездных деньков в школьном театральном клубе Брайтон-Фоллс.

Но вскоре после того, как ее карьера наконец-то пошла в гору, ранней весной 1971 года Вера неожиданно вернулась в Брайтон-Фоллс и поселилась в странном и огромном доме своего детства под названием «Желание Моники» со своей сестрой Лорен (которая была на шесть лет старше ее) и их отцом Андре Дюфреном. Пока Вера находилась в Нью-Йор-

² Вера Джейн Мэнсфилд (1933–1967) – американская киноактриса, один из секс-символов 1950-х годов.

ке, у Андре обнаружилась болезнь Альцгеймера, и его состояние неуклонно ухудшалось. В первый же вечер после возвращения Вера за обеденным столом сделала ошеломительное заявление.

– Я беременна. Ребенок должен родиться в конце июля.

Отец и сестра потрясенно уставились на нее, утратив дар речи.

– Можно передать булочки? – попросила Вера.

– Кто отец? – требовательно спросил Андре, отодвинув нетронутую тарелку с едой.

– Никто, – ответила Вера.

Андре слабо кивнул.

– Паршивое имя для первого ребенка: Никто-младший.

Андре построил «Желание Моника» для своей жены, которая всегда хотела жить в замке. Строительство растянулось на десять лет, поскольку большую часть работы он выполнял сам, не будучи плотником или каменщиком. Андре чинил обувь. Днем он был сапожником, вечером и ночью – строителем замка. Сама Моника умерла от осложнений после рождения Веры, еще до того как дом был готов.

Еще подростком Вера часто говорила, что «Желание Моника» похоже на кличку скаковой лошади, а не на название дома.

– В общем, рискованное предприятие, – говорила она. – И мизерные шансы на успех.

Хотя дом был каменным, он имел мало общего с замком.

Там не было крепостного рва, башен и бастионов. Его планировка была запутанной и беспорядочной; он возвышался на два с половиной этажа и имел коньковую крышу, крытую черепицей. Камень без изоляции очень плохо удерживал тепло, и большую часть года в доме было темно и холодно. В последние месяцы своей беременности Вера дрожала от холода точно так же, как в годы своего детства.

Лорен устроила детскую комнату в задней части «Желания Моники» и как могла постаралась подготовить Веру к предстоящему материнству. Она жарила ей печенку, заставляла пить витамины и выбросила бесчисленное количество сигаретных пачек. В то же время Лорен постоянно ухаживала за Андре, который уже не мог без посторонней помощи подниматься и спускаться по лестнице и проводил большую часть времени в хозяйской спальне, расположенной напротив комнаты Веры, где он часами смотрел мыльные оперы по маленькому черно-белому телевизору. Днем Вера часто сидела у него, прикуривала ему сигареты и бегала запирать дверь, когда слышала в коридоре шаги Лорен. Она кричала сестре: «Лазарет закрыт до официального времени посещения! Возвращайтесь в пять вечера и не забудьте поднос с обедом!» Лорен кипела от возмущения, когда чуяла запах сигаретного дыма, а ее сестра и отец хихикали, как дети, спрятавшись за резной деревянной дверью.

Обо всем этом Реджи узнала от своей матери гораздо позже.

Она также узнала о том, как Лорен, противостоявшая упорному мнению Андре о том, что «бедное незаконнорожденное дитя» не получит никаких шансов в жизни, сказала Вере, что ее ребенку выпадет большая удача, потому что его будут воспитывать мать и тетя, как это принято у диких слонов. Тогда довольная Вера стала называть отца Реджи Слоном. С годами это прозвище превратилось в Бивень, и это было все, что Реджи знала о своем отце.

В раннем детстве Реджи представляла своего отца с телом мужчины и слоновьей головой. Когда ей исполнилось восемь лет, она увидела картинку индуистского бога Ганеши, вырвала ее из книги и хранила в обувной коробке под своей кроватью вместе с другими ценностями: черепом птицы, индийским пенни, двумя десятками карточек со сценами из «Звездных войн», коробками спичек из разных баров, где часто бывала ее мать, и журнальной вырезкой с рекламным объявлением, где Вера Дюфрен в правой руке с безупречным маникюром держала баночку кольдкрема «Афродита». Вера носила белое платье с открытыми плечами, выставившее напоказ сияющую, идеально гладкую кожу. Она лукаво улыбалась, словно делилась со зрителями важным секретом.

Иногда Реджи вынимала обе картинки и клала их рядом: Ганеша и богиня кольдкрема. Неправдоподобная пара.

Реджи смотрела, как ее мать посыпает солью стойку бара, словно совершает некое священнодействие. Бармен принес ей из кухни яйцо, и она осторожно поставила его на один конец своими длинными, изящными пальцами. Яйцо не падало.

– Voila! – объявила Вера.

Боксер разразился аплодисментами, неуклюже хлопая толстыми ладонями, отчего у Реджи зазвенело в ушах. Голенастая девочка с улыбкой крутанулась на табурете, понимая, что ее мать совершила чудо. Она даже понимала, что богиня кольдкрема «Афродита» прикоснулась к чему-то большему, чем она сама; к чему-то, что дало ей силу поставить яйцо на кончик, словно крошечную планету причудливой формы, и аккуратно направить ее на орбиту, в то время как Боксер, Реджи и все остальное в неряшливом баре, вплоть до тяжелых стеклянных пепельниц, неспешно и неотвратно вращались вокруг нее.

– Вам кто-нибудь говорил, что вы точная копия Марлона Брандо? – обратилась Вера к Боксеру.

– Нет, – со смехом ответил он, показав потемневшие зубы.

– Вы с ним на одно лицо, особенно когда он играл Терри Мэллоя в фильме «На набережной». Смотрели этот фильм?

– Нет, золотко, не смотрел.

– Брандо – настоящий бог, – заявила Вера. Она закурила сигарету и стала смотреть, как дым поднимается вверх.

Двое потрепанных мужчин играли в пул³ на столе с расшатанной ножкой, под которую положили телефонный справочник. Шары с треском сталкивались друг с другом, поло-сатые сражались с одноцветными за место в лузах. Вместо того чтобы объявлять каждый удар, мужчины молчали, мелили кии и тщательно целились.

Вера выпила очередную порцию и проверила свой макияж в зеркале пудреницы. Боксер купил Реджи чизбургер и пообещал дать ей доллар, если она съест все до конца. Реджи проиграла пари, а в итоге у нее ужасно разболелся живот. Потом все трое оказались в автомобиле Боксера – большом старом «круизере» с потрескавшимися кожаными сиденьями, от которых пахло ментолом и маслом для волос.

Апартаменты Боксера находились в кирпичном здании неподалеку; нужно было подняться на четыре пролета по узкой деревянной лестнице. В задней комнате он держал пса, который лаял так громко и часто, что тряслись стены. Боксер смешал напитки в пластиковом блендере, который быстро перегрелся, отчего в маленькой кухне завоняло жженой резиной. Эти коктейли, зеленые от мятного ликера, назывались «кузнечиками», и он дал Реджи небольшую порцию в баночке из-под джема, рассудив, что пятилетний ребенок уже достаточно взрослый для этого.

³ Разновидность игры в бильярд.

– Это похоже на «шэмрок», молочный коктейль с кислицей, который готовят на день святого Патрика, – объяснил Боксер.

Он добавил что-то еще, когда передавал баночку Реджи, но она не расслышала из-за громкого лая. Боксер в очередной раз гротескно подмигнул ей. Реджи улыбнулась, хотя заметила, что ее баночка была грязной и покрытой чем-то вроде маслянистой пленки. Девочка решила, что там, наверное, полно микробов, о которых всегда предупреждала тетя Лорен. Отпив глоток, Реджи с радостью обнаружила, что это похоже на ее представление о коктейле «шэмрок»: холодная зеленая жидкость, приятная на вкус. Впрочем, она никогда не пробовала готовых детских коктейлей, – тетя Лорен не доверяла фастфуду. Боксер легко и почти нежно взъерошил Реджи волосы, потому что теперь они вроде как стали собутыльниками. Потом он показал ей, что дверь из кухни выходит на небольшое бетонное крыльцо с двумя провисшими садовыми стульями, транзисторным радиоприемником и большим, давно засохшим деревом в горшке. Горшок служил пепельницей и мусорным бачком для крышечек от бутылок и сигаретной фольги. Крыльцо было обнесено невысокой стенкой из шлакобетона, из-за которой Реджи могла выглянуть, если бы поднялась на цыпочки.

– Ты пока поиграй тут, хорошо? – сказала мать.

Иногда она произносила фразы, которые звучали как вопросы, но Реджи научилась понимать, что они не требуют

иного ответа, кроме кивка.

– Тебе нравится музыка? – спросил Боксер. Он уже возился с потрескивающим радиоприемником, настраивая его на первую попавшуюся станцию. Это была оживленная музыка с обилием духовых инструментов и пением на испанском языке. Реджи не возражала.

Они ушли, оставив дверь кухни слегка приоткрытой. Реджи отпила жгучего мятного напитка и подержала во рту колотый лед, пока не заныли молочные зубы. Диктор заговорил по-испански, и Реджи представила его слова как яркие разноцветные шарики, быстро мелькавшие в воздухе. Она вспоминала треск бильярдных шаров, яйцо на стойке бара, горбатый нос Боксера. И вскоре допила свою порцию напитка, названного в честь насекомого, которое, как она знала, было вовсе не зеленым, а коричневым.

У нее кружилась голова, как будто она слишком долго вращалась на круглом табурете, и Реджи подумала, что лучше бы сесть, когда ее взгляд упал на блестящую искорку в углу крыльца.

Она увидела, что там, среди мусора у основания мертвого дерева в горшке, лежит маленькое кольцо с красным камнем. Это было не пластиковое колечко, как в автоматах, торговавших шариками жевательной резинки, а настоящая вещь: ограненный самоцвет, мигающий, как глаз на тонкой золотой оправе.

Реджи потянулась к нему, представляя восторг матери,

когда дочь наденет свой сюрприз ей на палец. Реджи испытывала одновременно тошноту и радость в тот момент, когда на нее набросился пес.

Он двигался так быстро, что Реджи не успела понять, какой он породы, да и собака ли это вообще. Это мог быть медведь, россомаха или тасманийский волк. Она увидела лишь разинутую пасть с ощеренными зубами и капающей слюной, когда чудовище опрокинуло ее на спину и пригвоздило к полу, со всей силой упершись ей в грудь двумя огромными лапами.

Бетон был холодным и шершавым. Крошечные трещинки усеивали его, как линии разломов, словно крыльцо испытало тысячу мелких землетрясений, вызванных тем, что этот пес регулярно опрокидывал на пол маленьких девочек. Время растянулось и замедлилось (впоследствии она назвала это «пластилиновым» временем), и Реджи могла воспринимать все до мельчайших подробностей. Она смирилась с тем, что пес убьет ее, но не знала, на что будет похожа смерть, а лишь воспринимала ее преддверие как узкое окно времени, где все находится в замедленном движении, а чувства обострены до предела, впитывая каждое ощущение, поскольку это, вне всякого сомнения, был ее последний шанс ощущать жизнь на земле, вплоть до шершавого потрескавшегося бетона.

Она инстинктивно отвернулась, когда зубы приблизились к ней. Ощущение было такое, словно пес прогрыз дыру в голове где-то сбоку: палящая боль и вязкий жар. В лицо ей

дохнуло горячим воздухом с привкусом гнилого мяса.

Реджи закрыла глаза – только на секундочку – и вознесла молитву Богу, как это полагается, когда попадаешь в отчаянное положение. Тетя Лорен научила ее этому. Но, чтобы Бог мог прийти на помощь, как объяснила Лорен, нужна твердая вера, а Реджи до сих пор не очень-то задумывалась о Боге. Тем не менее она постаралась и представила белобородого старика, спускающегося на облаке. Бог, которого она вообразила, получился очень похожим на фотографию ее бабушки, висевшую в верхнем коридоре. Суровый мужчина во фланелевой рубашке, парусиновых брюках и болотных сапогах.

Когда Реджи открыла глаза, она узрела своего спасителя не в виде худощавого старца в золотых одеждах, похожего на бабушку, а в виде своей матери, вцепившейся в густую черную шерсть на загривке пса с криком: «УБЛЮДО-О-ОК!» На Вере остались лишь шелковые трусы и корсажный бюстгальтер, поэтому для Реджи она была похожа на белокурую и полногрудую Суперженщину. Пес отвернулся от Реджи и впился желтыми зубами в бледную руку Веры. Та испустила утробный крик и стукнула его левой рукой по носу. Его челюсти разжались от неожиданности, и она с ужасным чавкающим звуком вырвала разорванную правую руку, а потом снова взялась за загривок. На этот раз она подняла пса – все семьдесят фунтов лающего, огрызающегося веса, – раскрутила его, словно в танце, и резко отпустила. Пес перелетел через низкую шлакобетонную стенку балкона и завер-

ШИЛ СВОЮ ЖИЗНЬ ОДНИМ КОРОТКИМ ВЗВИЗГОМ ЧЕТЫРЬМЯ ЭТАЖАМИ НИЖЕ.

16 октября 2010 года.

Рокленд, штат Вермонт

– Я как раз думал о тебе, – сказал Лен, когда ответил на ее звонок. Его голос был низким и серьезным. Он имел свойство придавать оттенок секретности всему, что говорил ей.

– Уверена, в неприличном смысле, – предположила она.

– Как всегда, – отозвался он, и звук его голоса откликнулся вспышкой тепла в ее солнечном сплетении, постепенно опускаясь ниже.

Где-то позади она различала приглушенный шелест разговоров, звяканье бокалов и тарелок.

– Послушай, я заканчиваю завтрак в «Играх разума» и, думаю, могу заскочить к тебе. Может, заману тебя на прогулку и пикник с ланчем в «Совиной голове».

Она на секунду представила себя и Лена в лесу; у него за плечами рюкзак с охлажденным шардоне, сыром бри и французской булкой. Они возьмут свои альбомы для эскизов, и, может быть, акварельные краски. Найдут уединенное место, где можно расстелить покрывало для пикника.

– Думаю, нам нужно поговорить о том, что случилось в прошлую пятницу, – сказал Лен, рассеяв романтические видения Реджи.

– А? – невольно спросила она.

– Я ощутил какую-то перемену. Может быть, мне почуди-

лось, но ты как будто отдаляешься от меня. С тех пор мы почти не разговаривали.

– Нет, – завершила она. – Ничего не изменилось. Просто я жутко занята новым проектом. Извини, если я как-то странно себя вела, Лен. Скоро мы поговорим об этом, но сегодня я не могу. Вообще-то поэтому я и позвонила: хотела сказать тебе, что уезжаю из города.

Лен немного помолчал, и Реджи услышала смех одного из завсегдатаев ресторана.

– Бизнес или удовольствие? – наконец спросил Лен, четко произнося каждое слово. Она представила его нахмуренный лоб, и ей захотелось поскорее провести пальцами по этому лбу и разгладить морщины.

Реджи закусил губу. Ей нестерпимо хотелось сказать правду, но с чего начинать?

«Помнишь мою мать, которая якобы стала последней жертвой серийного убийцы в 1985 году? Ты не поверишь, но, оказывается, она жива, и сейчас я еду в больницу, чтобы забрать ее и привезти домой».

– Только бизнес и никакого веселья. Сейчас я на пути в Уорчестер, тот, что в Массачусетсе. Собираюсь посмотреть там одну площадку в качестве услуги кое-кому.

– Бедняжка. – Его голос снова превратился в приглушенное мурлыканье. – Когда вернешься?

– Еще не знаю. Наверное, дня через два. Зависит от того, как пойдут дела. Я позвоню тебе, когда вернусь домой.

– Значит, тогда и устроим пикник, – сказал Лен. – И все обсудим.

– Точно.

Реджи повесила трубку, чувствуя себя мерзкой лгуньей, но понимая, что еще не готова рассказать ему о звонке те-тушки. Она пообещала себе, что позвонит Лену и скажет ему правду, как только получит нормальное представление о ситуации. Когда она оценит положение и составит план, все ему расскажет...

* * *

Сборы были недолгими. Реджи привыкла к поездкам и усовершенствовала свое мастерство упаковки до такой степени, что теперь до двух недель могла обходиться портфелем и большой сумкой через плечо. Правило дорожного гардероба сводилось к тому, что все предметы паковались вместе и легко могли быть выстираны в умывальной раковине отеля.

Перейдя по подвесному мосту в свой офис, она запихнула MacBook Pro в кожаную заплечную сумку, потом добавила альбом для эскизов, ручки, очки и карточки для записей. Пока она собиралась, ее взгляд упал на астрологическую карту, пришпиленную к доске объявлений. Лен подарил ей эту вещь два месяца назад.

– Думай об этом как о карте небосвода в то время и в том самом месте, где ты появилась на свет, – объяснил Лен. –

Центральная линия изображает горизонт.

Реджи кивнула и изучила карту – компьютерную распечатку, которую Лен сделал с помощью какой-то астрологической программы, – состоявшую из трех колец, напомнивших ей рисунок Земли в разрезе, с изображением коры, мантии и ядра. По внешнему кольцу шли символы двенадцати знаков зодиака, а среднее кольцо было разделено на двенадцать сегментов, которые, как объяснил Лен, были домами. Конечно, Реджи это понравилось. В каждом доме имелись загадочные иероглифы и числа.

– Это планеты и их позиции в каждом знаке, – пояснил Лен. – Знаки, в которых находятся твои планеты, – это твоя внутренняя реальность, но дома – это фильтры, через которые ты пропускаешь свою реальность во внешний мир.

– Понятно, – сказала Реджи. Ее скептицизм увеличивался с каждой секундой, и она решила снова рассмотреть рисунок как карту.

Центральный участок был заполнен цветными линиями, которые образовывали нечто вроде спирографического рисунка.

– Что это? – спросила она и указала пальцем.

– Твои аспекты. Они показывают, каким образом планеты в твоей натальной карте соотносятся друг с другом. Вот, смотри. – Он указал на верхнюю линию. – Здесь у тебя Солнце в квадранте с Луной. Солнце обозначает твою интеллектуальную сущность, Луна обозначает твою эмоциональ-

ную сущность, а квадрант является динамическим, напряженным аспектом. В общем и целом эти два аспекта твоей личности находятся в постоянном конфликте друг с другом. Неудивительно, что тебе так неудобно выражать свои чувства.

Она закатила глаза.

– А здесь у тебя восходящий Стрелец. – Лен указал на забавный маленький символ со стрелкой, расположенный прямо над горизонтальной линией. Это делает тебя такой откровенной. Ты не дурачишь людей, а говоришь все как есть, даже если это не то, что они хотят услышать.

Хотя Реджи не могла поверить, что положение планет в момент рождения человека может как-то повлиять на развитие его жизни, ей пришлось признать, что композиция карты – концентрические круги, перекрещенные линии и таинственные символы – выглядела убедительно. Потом она заметила маленький синий трезубец прямо над линией горизонта, рядом со знаком Стрельца.

– А это что такое? – спросила она, стараясь говорить небрежно, хотя ее вытянутый палец дрожал.

– Хмм, это? А, это Нептун. У тебя есть Нептун в двенадцатом доме, – сказал Лен. Ее сердце внезапно застучало в груди, а во рту пересохло. – Это признак твоей острой интуиции. Ты находишься в контакте с силами подсознания. Нептун в двенадцатом доме – классическая позиция для великих художников... и для истерзанных душ.

Сейчас, стоя в одиночестве в своем офисе, Реджи потянулась к маленькому синему треугольнику и накрыла его указательным пальцем. Потом она повернулась к открытой сумке и бросила туда мобильный телефон с зарядным устройством, огляделась по сторонам и взяла черновые эскизы своего последнего проекта – небольшого передвижного дома, который она назвала «Наутилус». Он воплощал абсолютную свободу: возможность иметь дом, который будет следовать за вами повсюду, куда заведет жизнь.

– Есть одна вещь, которую мне трудно представить, – сказал Лен, когда впервые увидел эскизы с округлыми, похожими на раковину формами. – Как ты собираешься приделать к этому колеса? Я хочу сказать, разве он должен быть мобильным? Судя по дизайну, он будет лучше смотреться на постоянном месте.

– Жизнь – это движение, – сказала Реджи.

– Движение?

– Наши предки были охотниками и собирателями, – продолжала Реджи. – Они двигались туда, где была пища. Они уходили от плохой погоды и от опасности. Они странствовали. Этот древний инстинкт до сих пор живет глубоко внутри нас.

– Но разве дом не является олицетворением стабильности? – спросил Лен. – Разве наш инстинкт порой не подсказывает нам осесть на одном месте и пустить корни?

– Мы не деревья, – отмахнулась Реджи, но тут же прижа-

лась к нему губами и поцеловала, пожалуй, слишком сильно. Его щетина оцарапала ей лицо, во рту остался кислый привкус.

Черт побери, ей нужно сосредоточиться. Собрать багаж, уехать в Уорчестер и не позволять Лену снова и снова прокрадываться в ее мысли.

Упаковав все необходимое, Реджи собиралась уйти, но потом вернулась и открыла верхний ящик стола. В дальнем правом углу ящика она нащупала старую серебряную цепочку и потянула ее к себе. На конце цепочки болтались маленькие песочные часы Тары. Реджи перевернула их и посмотрела, как сыплется розовый песок.

«У тебя есть одна минута»...

Она расстегнула застежку и надела ожерелье под рубашку, спрятав маленькие холодные часы у себя на груди.

* * *

Реджи ввела адрес больницы в GPS-навигатор и отправилась в путь по грунтовым дорогам, мимо снегоходных троп и охотничьих лагерей, пока не выехала на асфальт. Повернув налево, на шоссе № 6, она проехала мимо роклендской городской ратуши, церкви Христа Спасителя и кафе «Игры разума», где на стоянке оставалось еще много автомобилей клиентов, приехавших на завтрак. Реджи увидела старый пикап Лена и подумала, не стоит ли остановиться, но ей не хоте-

лось задерживаться. Она снова представила, как рассказывает ему истинную причину своей поездки в Уорчестер, представила его напряженное, озабоченное лицо и предположила, что он, наверное, захочет сопровождать ее. Но это дело ей нужно было выполнить самостоятельно.

Она почти никому не рассказывала о своей матери и Нептуне. Ни друзьям, ни коллегам, ни случайным знакомым. Лен был единственным, кто знал. Лен и все остальные в Брайтон-Фоллс. Большею частью именно поэтому она никогда не возвращалась домой.

Она жалела о том, что вообще рассказала Лену. Он сводил ее с ума своей популярной психологией, своей привычкой все анализировать.

– Ты ведь понимаешь, что ты тоже жертва Нептуна, – сказал он, когда они лежали в постели в прошлую пятницу. Они открыли две бутылки домашнего вина из одуванчиков и оба немного перебрали. Он медленно описывал кончиками пальцев круги на ее животе.

– Как это? – спросила Реджи. Она уже поняла, что вторая бутылка вина была плохой идеей. В подвыпившем состоянии Лен всегда становился очень эмоциональным и любил пофилософствовать.

– Посмотри на свою жизнь, Редж. У тебя есть все, но в некотором смысле все это бесплодно. – Его язык слегка заплетался.

– Бесплодно? – повторила Реджи. Она села в постели и

убрала его руку со своего живота.

– Ты возвела стены вокруг себя. Ты не разговариваешь с людьми.

– Я разговариваю с массой людей, – выпалила Реджи и натянула простыню на обнаженную грудь. – Я езжу по всему миру и беседую с ними.

– Я имел в виду *настоящие* разговоры, Редж. Ты когда-нибудь позволяла себе по-настоящему сблизиться с кем-то? Иметь отношения, которые кажутся прочными и долговременными? То есть посмотри на нас. Каждый раз, когда кажется, что мы готовы перейти на следующий уровень, ты начинаешь беситься и отталкивать меня.

Теперь Реджи оцетинилась не на шутку.

– Тебя тоже не назовешь образцом ответственности. Насколько я помню, именно ты хотел иметь отношения без каких-либо обязательств. И, должна сказать, тебя вполне устраивает приходить и уходить, когда душе угодно, словно бродячему коту.

Такие отношения устраивали их обоих. Они познакомились четыре года назад в художественной галерее, где Лен выставил несколько картин. Он рисовал абстрактные геометрические формы и линии, напоминавшие витражные окна. Реджи привлекала чистота и уравновешенность его работ... а растрепанный художник показался ей откровенно сексуальным. Она купила две его картины и предложила встретиться.

Он сразу же дал понять, что не интересуется близкими отношениями. Два года назад он пережил скандальный развод и теперь говорил, что не готов к душевной близости.

– Кто говорит о душевной близости? – спросила Реджи. – Я говорю о чашке кофе, может быть, о паре бокалов вина.

– Не более того? – осведомился Лен, приподняв брови.

– Если тебя пугает, что после третьего свидания я заявлюсь к тебе домой со всеми вещами, то можешь не волноваться. Меня вполне устраивает собственное жилье. Но иногда приятно иметь маленькую компанию. Сообщника, с которым можно коротать холодные вечера.

Он улыбнулся.

– Никаких обязательств?

– Если не хочешь никаких обязательств, я твоя девушка, – пообещала она.

С тех пор они то встречались, то разлучались, ходили в кино, присоединялись друг к другу на вечеринках и даже проводили вместе выходные. Они радовались обществу друг друга, но если это затягивалось больше чем на два-три дня, Реджи начинала немного паниковать и чувствовать себя пойманной. Чем больше она сближалась с Леном, тем сильнее ощущала это и почти неосознанно начинала делать разные мелочи, чтобы разозлить и оттолкнуть его. Лен был прав. Просто не в ее характере так сближаться с людьми. Это был предохранительный механизм, разработанный ею много лет назад, с которым она чувствовала себя совершенно ком-

фортно. А теперь Лен заставлял ее сомневаться в разумности такого поведения.

– Лично я счастлив, – сказал Лен. – Я веду жизнь, которая меня устраивает. Но настоящая разница между мной и тобой, Редж, заключается в том, что я не боюсь пускать в себя людей. Я не боюсь кого-то любить.

– Выходит, я не способна любить?

– Я этого не говорил. Я сказал, что ты боишься.

– Это смелое предположение. Что навело тебя на такую мысль?

– Ты считаешь, что любой человек может бросить тебя. Что мы живем в мире, где того, кого ты любишь, в любой момент могут отнять у тебя.

– Ерунда! – бросила Реджи, еще больше раздраженная от того, что на каком-то уровне понимала правоту Лена, несмотря на его нетрезвое состояние.

– Я лишь говорю, что это печально, вот и все. Очень грустно, что из-за одного психопата ты собираешься провести всю свою жизнь, опасаясь сблизиться с кем-то.

– Ты знаешь, что это нечестно! – прошипела Реджи.

– Ты когда-нибудь задумывалась о том, к чему все идет? – спросил он.

– Что именно?

– Все это, – ответил он и широким жестом обвел руками их обоих вместе с кроватью. – Мы с тобой. Господи, Реджи, мне сорок пять лет. Собираемся ли мы делать то же самое

через двадцать лет – шастать в постель друг к другу и обратно, без привязанности, без обязательств?

Реджи прищурилась.

– О чем ты говоришь?

– О том, что, наверное, пора иметь нечто большее, а не оставаться друзьями по переписке.

Реджи досадливо поморщилась от такого обозначения их отношений.

– Например?

– Я думал, что мы могли бы жить вместе.

Реджи расхохоталась и тут же закашлялась от смеха. Пожалуй, это была самая абсурдная вещь, которую она до сих пор слышала от Лена, и ему удалось застигнуть ее врасплох.

У Лена был сокрушенный вид.

– Ты же не всерьез, правда? – спросила Реджи. – Что, ты хочешь, чтобы я каждый вечер приносила тебе шлепанцы и трубку, а потом доставала из плиты кастрюлю?

Она подумала о своем доме, об идеальном маленьком доме, который постепенно наполняется вещами Лена: грязной обувью, скомканными эскизами, бычками от самокруток с марихуаной, которые он постоянно курил.

Лен покачал головой, потянулся за почти опустевшей бутылкой вина и сделал глоток.

– Я должен был ожидать такой реакции. – Он откинулся на свою подушку и закрыл глаза. – Все это было в твоей натальной карте: страх перед привязанностью, творческие успехи,

кошмары, интуиция... Тебе нужно контролировать любую ситуацию, отвечать за все... – Его голос звучал все тише, он засыпал на ходу. – Так невероятно, будь оно все проклято...

Реджи зажмурилась и увидела маленький синий трезубец, притаившийся в ее двенадцатом доме. Она перевернулась лицом к подушке, слушая тихий храп Лена рядом с ней. Тогда она была уверена, что почувствовала это: кусочек Нептуна, засевший внутри нее, как рыболовный крючок, и пульсирующий тупой болью, напоминая о том, что она не вправе жить с кем-то.

* * *

Реджи миновала антикварный магазин, гостиницу «Кленовый лист» и стеклодувную студию «Заяц на Луне». Двадцать минут спустя она сигналила поворотником перед выездом на 89-е Южное шоссе, ведущее к Бостону. Несмотря на свои поездки, по правде говоря, ей никогда не нравилось покидать Вермонт. Как только она пересекла границу штата, кожу на загривке начало покалывать. Огромные плакаты, четырехполосные автострады и небоскребы создавали у нее временный синдром дефицита внимания, отчего она теряла сосредоточенность и не могла принимать решения. Она ненавидела безликость сетевых ресторанов и супермаркетов, а тем более «коттеджные поселки» с крупногабаритными, одинаково безобразными домами, которые вырастали

за одну ночь, словно жуткие грибы.

Она включила радио и стала слушать серьезные голоса, обсуждающие глобальную экономику. Нет, это не годится для дороги. Она принялась переключать станции, пока не нашла группу «Кингсмен»⁴, исполнявшую песню «Луи-Луи»:

Славная малышка ждет меня,
К ней через море поплыву я...

* * *

Она снова сидела в стареньком автомобиле «шевроле-вега», и музыка гудела в хрипящих динамиках, а ее мать пальцами отбивала ритм на рулевом колесе и беззвучно напевала. Окошки были опущены, и ветер раздувал их волосы, создавая ощущение полета.

– Куда мы едем, мама?

Ее мать заговорщицки улыбнулась.

– Туда, куда несет нас ветер, милая.

Они снова остались одни, но вместе, вдвоем против остального мира. Жизнь казалась одним большим приключением, и все было возможно. Они могли оказаться на со-

⁴ «Кингсмен» – американская гаражная рок-группа, существующая с 1959 года до сих пор. Оказала значительное влияние на рок-музыку США 1960-х годов. Композиция «Луи-Луи», кавер-версия на песню Ричарда Багза, считается классической.

бачьих бегах, где Вера позволит Реджи поставить деньги на борзую по своему выбору, отправиться в Бушелл-Парк в Хартфорде и покататься на карусели или поехать к океану, чтобы полакомиться жареными моллюсками.

– Мир – это наша устрица, – говорила Вера, вытирая с подбородка соус тартар. – Или, по крайней мере, рулет с мидиями!

Старая «шевроле-вега» уже давно проржавела и отправилась на металлолом.

Реджи задавалась вопросом, смогут ли они с матерью узнать друг друга.

Она пыталась представить обрубок на месте правой руки своей матери, той руки, которая когда-то отбивала ритм каждой песни по радио, той самой руки, которая удерживала ее на коньках на замерзшем пруду Рикера.

Реджи откинула волосы назад и нащупала пальцами маленькие полумесяцы шрамов за искусственным ухом.

«Возможно, – подумала она, – мы узнаем друг друга по тому, чего не хватает у каждой из нас».

26 мая 1985 года. Брайтон-Фоллс, Коннектикут

– Ухо осталось на память, – сказал Чарли, когда впервые увидел его. – Теперь, может быть, сделаешь что-нибудь с этими космами?

Он потянул Реджи за длинные спутанные волосы, посылая колючие искры по затылку и вниз по позвоночнику, превращая ее в светящийся провод под током.

Они сидели в деревянном домике во дворе у Реджи и рассматривали планы по его реконструкции, нарисованные ею. Солнце пробивалось через брезент неоконченной крыши, озаряя все вокруг призрачным голубоватым сиянием.

– Тебе нужна основательная стрижка, Редж, – сказала Тара. Она лежала на спине на спальном мешке, но перевернулась набок и достала из потрепанной сумки на затяжном шнурке пачку сигарет, которую стянула у своей мамы. – Сходи к Даун в «Экспресс-парикмахерскую». Она стрижет меня.

Волосы Тары были длинными сзади и ершистыми спереди, выкрашенными в черный цвет со светлыми кончиками. Четыре сережки сидели в ее левом ухе и еще две – в правом. Ее глаза были подведены темным карандашом, но другого макияжа не было. С бледным, худым лицом и подведенными глазами она смахивала на ожившего мертвеца, поэтому другие восьмиклассники называли ее «вампиром».

– Все верно, – говорила она школьным модницам в выбеленных джинсах, носившим жизнерадостный макияж розовых и голубых тонов. – Будете шутки со мной шутить, я прилечу к вам ночью через окно и выпью досуха.

Одноклассники старались держаться подальше от Тары, впрочем, как и от Реджи – чудной одноухой девчонки без отца, которая жила в жутковатом каменном доме. Чарли, нервный и тщедушный паренек, которого все считали геем, тоже был чужаком. Реджи знала его всю свою жизнь – они жили в двух кварталах друг от друга и вместе ходили в подготовительную школу – и знала, что Чарли нравятся девочки. Стоило хотя бы заметить, как он смотрел на Тару: его карие глаза как будто стекленели и были полны томного желания.

Тара закурила сигарету, выдохнула дым через ноздри и стала возиться со своей зажигалкой. Она принадлежала к тем людям, которым постоянно нужно было иметь что-то в руках. Когда она не курила, не тасовала карты или не писала стихи, то играла с маленькой подвеской в виде песочных часов у нее на шее, смотрела, как сыплется розовый песок, потом переворачивала часы и снова смотрела.

Тара носила облегающую черную блузку с V-образным вырезом и длинными рукавами, порванную в нескольких местах, скрепленных английскими булавками. Она рвала почти всю свою одежду, а потом сшивала ее грубыми стежками или скрепляла английскими булавками и даже скрепками. Сейчас она делала вид, что не замечает Чарли, который практи-

чески капал слюной, глядя на ее грудь. Она носила лифчик второго размера, в то время как Реджи была такой плоской, что до сих пор надевала нулевой лифчик, если вообще заботилась делать это. Реджи с сомнением посмотрела на свою мешковатую серую футболку, купленную Лорен на какой-то распродаже.

– Можно мне затынуться? – спросил Чарли, что было глупостью, поскольку он вообще не курил. Еще месяц назад он изводил Тару, показывая ей фотографии с черными легкими курильщиков. Его мать была заядлой курильщицей и умерла от рака, когда Чарли исполнилось десять лет. Реджи помнила, как приходила к нему домой, когда его мать была жива, и от нее воняло как из пепельницы. Впрочем, она была приятной женщиной. Она научила Реджи делать «кошачью колыбельку» и готовить разноцветный мармелад. Она была просто чудесницей в этом деле. Однажды, в День президента⁵, она принесла для учеников второго класса мармеладный торт в форме горы Рашмор. Прошло три года после ее смерти, но Реджи по-прежнему сильно тосковала по миссис Бэrr. А если она тосковала, то каково было Чарли?

Тара подтолкнула к нему пачку.

– Можешь взять целую.

Тара никогда не встречалась с матерью Чарли. Она переехала в Брайтон-Фоллис в прошлом году, после развода роди-

⁵ День президента (или День Вашингтона) официально отмечается в США в третий понедельник февраля.

телей. Ее отец остался в Айдахо со своей новой подругой, которая, по словам Тары, была вдвое моложе ее матери. Девушка была беременна, и это означало, что у Тары появятся сводный брат или сестра, но ее совсем не радовала такая перспектива.

– Вряд ли я вообще увижу ребенка, – говорила Тара. – То есть с чего бы это? Мой папаша смотрит на это, как на второй шанс получить идеальную жену и ребенка. Он едва ли захочет, чтобы я околачивалась поблизости и напоминала ему, какой паршивой была его жизнь.

Она говорила, что ей наплевать, но потом Реджи видела, как она до крови ковыряет кожу вокруг ногтей.

Тара и ее мать снимали крошечную квартиру с двумя спальнями в многоквартирном доме «Грайст-Миллс», где жили в основном инвалиды и получатели социальных пособий. Это был большой и некрасивый трехэтажный дом в форме буквы L, где во дворе было полно битого стекла и окурков, а двое стариков постоянно сидели на скамейке, словно пара горгулий. Тара клялась, что один из них показывал ей свой пенис. Лорен не нравилось, когда Реджи ходила в «Грайст-Миллс», поэтому в редких случаях, когда это происходило, она лгала своей тете.

Первые несколько дней в школе Тара во время ланча сидела в углу одна. Это Чарли пришла в голову мысль пригласить ее за их стол.

– Она выглядит уродски, – пожаловалась Реджи.

– А мы что, нет? – ответил Чарли и пошел поговорить с Тарой, не дожидаясь согласия подруги.

Мать Тары выросла в Брайтон-Фоллс, и ее родственники до сих пор жили здесь. Во всяком случае, так говорила Тара, но Реджи никогда не видела ее тетюшек, дядюшек или кузенов и даже не слышала о них. Когда она пристала к Таре с вопросами, та сменила тему. Ее мать работала официанткой в заведении Дэнни на Эйрпорт-роуд. Когда она не работала, то уходила в свою комнату и спала или смотрела телевизор с чашкой кофе, сдобренного бренди. Иногда Реджи, Чарли и Тара ездили на велосипедах в кафе Дэнни, и ее мама давала им бесплатные десерты. Ее глаза всегда были припухшими, с темными кругами внизу, а от кожи исходил сладковатый коньячный запах, словно бренди сочилось через поры.

Тара мало говорила о своем отце, и было непохоже, что он когда-либо звонил ей или писал письма. Однажды Реджи услышала, как мать Тары набросилась на дочь, когда она попросила денег на новые туфли: «О господи, Тара! Почему ты не позвонишь своему неверному отцу и не предложишь ему оказать гребаную отцовскую поддержку, которую он задолжал? Может быть, тогда мы позволим себе раскошелиться на новые туфли. Я уверена, что у его нового малыша уже есть сотня пар обуви».

В конце концов, Тара украла из магазина туфли, которые ей приглянулись. Ее мать постоянно работала или спала, так что не замечала многих загадочных пополнений в гардеробе

дочери. Тара могла прийти из торгового центра в одежде, на которой болтались ценники, и мать даже глазом не вела, а только устремлялась к выходу, пихая свой рабочий передник в хозяйственную сумку и бормоча неопределенные пожелания не засиживаться допоздна. Иногда это казалось игрой, как будто Тара нарочно дразнила свою мать и даже хотела, чтобы ее застигли с поличным.

* * *

Чарли достал сигарету, щелкнул зажигалкой и начал курить, не затягиваясь. Он набирал в рот немного дыма и тут же выпускал наружу. Его глаза покраснели, из носа потекло. Он носил футболку с принтом «Роллинг Стоунз», которую ненавидел его отец. На принте была фотография обложки альбома «Sticky Fingers» с крупным планом мужского паха. Отец Чарли говорил, что это непристойно и выглядит как наряд гомосексуалиста. Он выбросил футболку в бак для мусора, но Чарли выудил и спрятал ее, а потом надевал сверху другую футболку каждый раз, когда выходил из дома.

Отец Чарли, Стив Бэрт по прозвищу Стю, был дородным полицейским, который выказывал свое разочарование в Чарли, постоянно пытаясь втиснуть его в свое представление об идеальном сыне. Он купил ему силовой тренажер, настойчиво водил на футбол, перестал оплачивать уроки игры на гитаре и заставил сделать армейскую стрижку ежиком, отчего

голова Чарли казалась странно деформированной.

Тара выпрямилась и блеснула глазами, посмотрев на Чарли.

– Сигарета, которую ты куришь, отравлена нервно-паралитическим газом. Тебе осталось жить ровно одну минуту. – Она достала подвеску с маленькими песочными часами, перевернула ее и посмотрела на тонкую струйку розового песка. – Тебя может спасти только одно.

– Что? – нервно спросил Чарли. Ответ мог быть каким угодно.

– Ты должен поцеловать Реджи. У нее на губах противоядие.

Реджи в тихой панике покосилась на подругу: неужели Тара догадывалась о ее чувствах к Чарли?

Чарли задумчиво посмотрел на свою сигарету. Он облизнул губы, возможно, пытаясь представить вкус яда. Реджи затаила дыхание в надежде на поцелуй, но в то же время молилась, чтобы этого не произошло. Если он поцелует ее, то, наверное, узнает о ее чувствах. Было так, как будто все ее секреты могли просочиться через губы прямо в его душу. Возможно ли это? Реджи не знала. Ей не приходилось целовать никого, кроме матери и тети.

– Время уходит, – напомнила Тара, глядя на сыплющийся песок. – Что выбираешь – жизнь или смерть?

Чарли тихо, подавленно вздохнул, наклонился и поцеловал Реджи. Его губы были теплыми и пахли дымом, но лишь

на мгновение прижались к ее губам. Такой поцелуй мог бы подарить старший брат по настоянию матери, но тем не менее в животе Реджи возникла теплая волна. Сердце билось так сильно, что другие непременно должны были услышать это. Она почувствовала, как покраснело ее здоровое ухо, когда осознание нахлынуло с новой силой: она влюблена в Чарли Бэрра, несмотря на его нелепую стрижку и все остальное.

Тара улыбнулась и отпустила песочные часы. Она прищурилась и посмотрела на брезентовый потолок.

– Так мы собираемся делать настоящую крышу или как? – спросила она. – Из-за этого голубого света мы все похожи на смурфиков⁶. Очень сексуально!

Реджи рассмеялась, – пожалуй, слишком громко и нервно, – довольная переменой темы.

– Определенно, крыша следующая на очереди. Думаю, потом мы займемся мостом.

Деревянный домик был реликтом, оставшимся с детства Реджи: его построил ее дядя Джордж, когда ей было семь лет. Превращение домика в постоянное место для встреч было идеей Тары, и Реджи сразу же приступила к работе, начертив план крыши, стен с окнами и двери, выходящей на подвесной мост, который пересекал двор и вел к маленькому балкону перед ее спальней.

Реджи перерыла библиотеку в поисках книг по строитель-

⁶ «Смурфики» (The Smurfs) – семейный комедийный мультфильм Раджа Госнелла.

ству и дизайну. Она делала заметки о расстоянии между гвоздями, интервалах между стропилами и о том, как правильно сделать оконный брус. Раньше она не думала о том, как устроены здания, но вскоре оказалась зачарована своей работой; здесь было что-то, выведившее ее любовь к рисованию на совершенно новый уровень. Ее инстинктивно привлекала аккуратность планов и рабочих чертежей, а особенно мысль о том, что можно составить проект на бумаге, а потом воплотить его в действительности с помощью досок и гвоздей. Это казалось почти волшебным.

До сих пор они успели собрать каркас стен и обить их фанерой. Простая скошенная крыша была наполовину крыта фанерой, а другая половина была затянута синим брезентом. Они принесли в домик спальные мешки, колоду карт и коробку из-под фруктов, которая служила столом. В углу лежала стопка настольных игр: «Монополия», «Угадайка», «Жизнь» и старая планшетка для спиритических сеансов, принадлежавшая Вере. Вокруг валялись пустые банки из-под кока-колы, молоток, пила, коробки гвоздей. Чарли припрятал здесь старенькую акустическую гитару. Когда они собирались по вечерам, зажигали церковные свечи в стеклянных банках, и Чарли тихо наигрывал блюзовые мелодии, погружавшие Реджи в глубокую задумчивость; музыка уносила ее в далекое место в воображаемом будущем, где Чарли был знаменитым артистом, говорившим на сцене переполненного театра: «Эта песня посвящена Реджи».

Реджи покосилась на гитару, тщательно избегая смотреть на Чарли. Она почесывала свое новое ухо.

– Дай посмотреть. – Тара потянулась к уху Реджи, держа сигарету в уголке рта. – Оно снимается? – Она легко потянула. Когда Реджи кивнула, Тара потянула сильнее, пока ухо не оказалось у нее в руке.

– Клево! – воскликнула она, щурясь от сигаретного дыма, лезущего в глаза. – Прямо как у мистера Картофельная Голова!⁷

* * *

Через несколько месяцев после нападения собаки (о котором в семье Реджи с тех пор говорили только как о «несчастном случае») тетя Лорен отвезла племянницу к врачу в Нью-Хейвене: он изучил ее здоровое ухо и изготовил соответствующий протез. Он был похож на настоящее ухо, но не вполне. Оттенок немного отличался, а клей, державший его на месте, ужасно чесался, поэтому ухо большей частью находилось в ящике Реджи, спрятанное под бельем. В конце концов ее мать и тетя отступились и заставляли ее носить ухо только в особых случаях.

– Твое ухо! – кричали они, когда направлялись к выходу,

⁷ Мистер Картофельная Голова – американская игрушка, пластиковая картофелина, к которой крепятся разные аксессуары. В стандартный комплект входят глаза, уши, руки, кепка, усы и язык.

опаздывая на рождественскую мессу или на выставку школьных рисунков. Реджи бежала вверх, рылась в ящике и прикрепляла ухо, но в автомобиле тайком снимала его и прятала кусок резины в кармане парадного пальто, лишь время от времени щупая его, словно кроличью лапку.

Ее мать тоже была изувечена псом, которого она с тех пор называла Цербером. Пес прокусил мясистую часть ее правой ладони между большим и указательным пальцами, повредив нервы и сухожилия, которые врачи не смогли полностью восстановить. В результате, кроме полукруглого шрама, обезобразившего ее прекрасную руку, Вера еще не могла сгибать указательный палец. Она застенчиво прятала поврежденную руку, держа ее на коленях или сбоку. Когда она появлялась в обществе, носила эластичные, мягкие, как масло, длинные белые перчатки. Средний и указательный пальцы левой руки пожелтели от сигарет «Винстон», которые она постоянно курила.

В воображении Реджи пес и в самом деле превратился в трехглавое чудовище со змеиным хвостом, которое, по словам матери, было стражем подземного царства. Когда она вспоминала то нападение месяцы и годы спустя, то видела свою мать в белоснежном белье, раскручивавшую в воздухе огромного трехглавого пса, а в ее здоровом ухе звенел крик: «УБЛЮДО-О-ОК!»

Лишь через несколько лет Реджи узнала подлинное значение слова «ублюдок» и поняла, что пес в тот день был

не единственным ублюдком. Реджи была ребенком без отца, ублюдком по определению, о чем ей жестоко напомнила в четвертом классе группа пятиклассниц во главе с Дасти Троно.

– Скажи это, – прошипела Дасти, придавив Реджи коленом в песочнице, пока ее подруги смотрели и хихикали. Дасти вцепилась в прядь волос, больно потянула и закрутила.

– Я ублюдок, – проскулила Реджи. Слезы катились по ее лицу, облепленному песком.

– Теперь ешь песок, ублюдок, – велела Дасти и вдавила ее лицо в песочницу.

* * *

Осенью, перед переходом в среднюю школу, тетя и мать Реджи убедили ее получить новое ухо. Это будет новый старт, говорили они. Новое, улучшенное ухо было изготовлено из латекса и крепилось двумя титановыми винтами, которые хирург имплантировал в ее височную кость. Назначение уха было чисто эстетическим; укус причинил большой вред, а образовавшиеся рубцы делали Реджи почти глухой на левое ухо. Хирург предложил реконструировать ухо из хрящевой ткани, взятой из грудной клетки с приживленной кожей. Он показал Реджи фотографию пациентки, которая прошла такую процедуру, и ее ухо выглядело как настоящее.

– Польза в том, что мы создадим новое ухо с помощью

кожи и хрящевой ткани из твоего собственного тела, – объяснил хирург. – Оно будет выглядеть и ощущаться как настоящее. Для этого понадобятся две операции с интервалом в полгода.

Расстроенная и немного испуганная такой перспективой, Реджи сказала, что какое-то время предпочитает пользоваться съемным латексным ухом. По крайней мере, оно было гораздо лучше предыдущего, обесцвеченного и пахнувшего резиной. Теперь она выглядела почти как обычная девочка.

* * *

Реджи смотрела, как Тара вертит в руках ее новое ухо.

– Просто жуть берет, как оно похоже на настоящее, – сказала она. – Черт, оно даже на ощупь как настоящее!

Она приложила ухо к щеке и закрыла глаза. Реджи немного поежилась от этого странно интимного жеста.

Чарли погасил свою наполовину выкуренную сигарету.

– Из латекса делают разные игрушки для секса, и некоторые выглядят очень похоже, – сообщил он.

Тара рассмеялась.

– Так ты у нас эксперт по сексуальным игрушкам?

Чарли покраснел.

– Я просто сказал. – Он потянулся за своей гитарой и извлек несколько аккордов. Его пальцы были длинными и гибкими, ногти – квадратными и коротко обрезанными. Он все-

гда выглядел увереннее, если держал в руках гитару. Лишь в таких случаях он полностью расслаблялся и опускал плечи, а его тело словно обнимало инструмент и сливалось с ним. Иногда Реджи приходила одна в деревянный домик и держала его гитару. Она ложилась с ней на спальный мешок, обнимала полый корпус и гладила стальные струны, но не осмеливалась перебирать их.

Тара вернула ухо Реджи, которая поставила его на место.

– Думаю, у нас в гараже есть материал для крыши, – сказала Реджи. – Там лежат два листа фанеры и коробка черепицы. Нам понадобятся трос для моста и прочные болты с проушинами. Еще хомуты, в которых нужно будет закрепить петли на концах троса.

Чарли перегнулся над гитарой, посмотрел на сделанный Реджи чертеж деревянного домика и нахмурился.

– Не думаю, что это будет держаться, – сказал он, указывая на подвесной мост, ведущий от деревянного домика к маленькому балкону перед окном ее спальни.

– Конечно, будет, – возразила Реджи. – Просто нам понадобятся болты с проушинами и немного металлического троса. Мы прикрепим деревянные планки между двумя нижними тросами, а верхние будут перилами.

– Ничего не выйдет, – Чарли покачал головой и отодвинул чертеж.

– Люди всегда строили подвесные мосты, – настаивала Реджи.

– Может быть, – сказал Чарли. – Но чтобы мы смогли построить такой длинный мост... нет, это невозможно.

– В нем будет лишь двенадцать футов. А если мы...

– Это невозможно, – пренебрежительно отозвался он и вернулся к своей гитаре, наблюдая за тем, как пальцы танцуют по струнам и заставляют гитару петь.

* * *

– Что делать, если тебе нравится какой-то человек, а ты ему не нравишься? – спросила Реджи свою маму. Они ждали своей очереди в «Экспресс-парикмахерской». Вера листала последний выпуск журнала «Variety», который достала из своей сумочки. Она носила большую кожаную сумочку, больше похожую на кожаную сумку, и набивала ее разными вещами. Чтобы достать ключи или помаду, ей приходилось извлекать наружу пачки рецептов, записки, вырванные из маленьких блокнотов, картонные пакетики со спичками, высохшие ручки, щипцы для загибания ресниц, ножницы в виде серебряной птички, купоны, баночки с кремом, пустые сигаретные пачки, оторванные пуговицы и чайные пакетики (Вера не пила чай, но клала влажные пакетики на глаза как средство от морщин).

– Откуда ты знаешь, что не нравишься ему? – спросила Вера, державшая журнал рукой в белой перчатке, так что Реджи могла видеть только глаза матери. На ее ресницах бы-

ло столько туши, что Реджи гадала, как ей вообще удастся держать глаза открытыми.

Был вечер воскресенья, и очередь по записи заканчивалась на Реджи. Другие парикмахерши сметали волосы в маленькие кучки, промывали расчески в дезинфицирующем растворе и подсчитывали чаевые. Даун заканчивала хлопотать над пожилой дамой с персиковыми волосами.

Вера носила алое платье и такие же туфли на высоком каблуке. Для Реджи это была особенность ее матери: она всегда одевалась так, будто собиралась на вечеринку. Она тщательно наносила макияж перед визитом в булочную и говорила: «Никогда не знаешь, кого можешь встретить. Мир построен на связях, Реджина. Не только на твоих знаниях, но и на том, что знают *они*. Это огромная сеть, где все взаимосвязано, и все дергают друг друга за ниточки».

Реджи знала, что после стрижки мать отвезет ее домой, а потом отправится на репетицию. Она участвовала в постановке пьесы в Нью-Хейвене – в какой-то мрачной фантазии, с помощью которой местный драматург надеялся создать себе имя. Режиссером был человек, которого Вера называла Кроликом, – непостоянный ухажер матери, который обладал артистическим темпераментом и, по словам Веры, был ублюдком и в то же время гением. Реджи ни разу не встречалась с ним, но слышала бесчисленные истории о скандалах, которые он закатывал на репетициях, и о его связях.

– Он знает всех и вся, – говорила Вера с гордой улыбкой на

губах. – У него даже есть кузен в Голливуде, который работал с Мартином Скорсезе.

Мать произносила имена знаменитых людей приглушенным, заговорщицким тоном, словно они были волшебными существами, о которых не пристало говорить вслух.

Вера продолжала смотреть на Реджи над верхним обрезом журнала, ожидая ответа. Девочка закусила губу.

– Потому что ему нравится кто-то другой, – наконец выдавила она.

Вера понимающе кивнула.

– А он нравится этому «другому»?

Реджи немного подумала.

– По-моему, нет. В любом случае, не так сильно.

Вера улыбнулась.

– Тогда дай ему знать о своих чувствах. Я сама так сделала, чтобы подобраться к Кролику. Он заглядывался на ту блондиночку, пока я не убедила его. – Она довольно улыбнулась.

– Но я не могу так сделать!

Это было глупо. Она не обладала красотой и обаянием своей матери. Вера могла очаровать любого мужчину. Реджи была долговязой и неуклюжей девчонкой с плоской мальчишеской грудью. Только на прошлой неделе, когда она была с матерью на рынке Ферраро, парень у входа не мог отвести глаз от Веры.

– Можно помочь вам отнести покупки в машину? – спро-

сил он. – Или это сделает ваш сын?

Вера не стала поправлять его.

– Спасибо, мы сами справимся, – только и сказала она.

Реджи поморщилась, когда вспомнила этот случай.

– Есть другие способы, Реджина. Но помни, ты не можешь изменить человека. Ты можешь лишь помочь ему открыть глаза.

Женщина с персиковыми волосами направилась к выходу. Даун позвала Реджи, и та поспешила к своему креслу, а Вера вернулась к изучению журнала.

– Как будем стричься сегодня? – спросила Даун и подошла ближе, застегнув пластиковую накидку. От нее пахло сигаретами и ментоловой жвачкой.

Реджи посмотрела в зеркало. Ее волосы были длинными и спутанными, торчавшими во все стороны.

– Я готова сменить стиль, – ответила Реджи.

Даун кивнула.

– Я знаю, какая стрижка тебе нужна. – Она вымыла и расчесала волосы Реджи, затем принялась за работу: ножницы деловито щелкали, волосы падали на пол большими прядями, смешиваясь с крашеными персиковыми кудряшками.

Реджи долго после нападения пса носила длинные волосы, когда они были белокурыми и кудрявыми. «Волосы херувима», – говорила Лорен. Это был цвет волос ее матери – единственная черта, которую они разделяли друг с другом. Реджи росла, кудряшки превращались в волны, а цвет по-

степенно темнел – как будто доказательство ее родства с Верой год за годом отступало на второй план. Сейчас, когда Реджи сидела в парикмахерском кресле, они были каштановыми. Она посмотрела на мать, которая переключилась на журнал «*People*» и брезгливо хмурилась, глядя на певцов и кинозвезд, словно спрашивая себя: «Да кем они себя считают?». Ее платиновые волосы мягко сияли в отраженном свете.

– Держи голову прямо, милая, – попросила Даун.

Реджи повернулась к своему отражению и испытала странное ощущение, как будто видит в зеркале другую девочку. Ее лицо без растрепанных прядей, падавших на лоб, казалось более удлинённым. Лицо было узким, веснушчатый, с темно-голубыми глазами и заостренными эльфийскими чертами, отчего она казалась моложе своих тринадцати лет. Она смотрела, как аккуратно парикмахерша работает ножницами вокруг ее искусственного уха, ничем не выдавая, что оно отличается от другого.

16 октября 2010 года.

Уорчестер, штат Массачусетс

Следуя инструкциям Лорен, после приезда в большой, беспорядочно спланированный медицинский центр Реджи первым делом спросила, где можно найти работницу социальной службы Кэролайн Уилер. Здание оказалось путаным лабиринтом из воощенных полов, лифтов, пикающих механизмов и незатейливых репродукций на стенах. Эхо от каблучков ее ковбойских сапог разносилось по коридорам. Врачи были на обходе. В крыле «Б» объявили экстренную ситуацию. За справочными столами сидели пожилые волонтеры в зеленых халатах с бейджиками «Чем я могу помочь вам?».

Реджи однажды получила премию за проект центра социального здравоохранения, когда защищала диплом в архитектурном колледже Род-Айленда. Центр был круглым, что символизировало единство и целостность и напоминало пациентам об их связи с землей и природой. Изогнутые стены напоминали протянутые руки, готовые обнять и защитить. На каком-то глубинном уровне это навевало мысли о нашем первоначальном доме – материнской утробе. Проект Реджи включал стену с живыми растениями и большой фонтан в центре, который можно было видеть и слышать из каждой палаты. Больница в Уорчестере была антитезой этого давнего проекта. Глядя на флюоресцентные лампы, длинные коридоры,

доры, острые углы и крошечные окна, выходящие на автостоянку, Реджи не могла представить, как кто-то может выздороветь в таком месте. Она чувствовала себя потерянной и никчемной; ее лоб был влажным от пота, хотя кондиционеры гнали по коридорам прохладный воздух.

Кэролайн отвела Реджи в маленький кабинет, заполненный черными архивными шкафами из нержавеющей стали и джунглями переросших хлорофитумов. Папки и бумаги возвышались неопрятными, опасно покачивающимися стопками на массивном сером столе. На стене висела вышитая крестиком надпись в рамке: «Благословенная неразбериха», лишь приглядевшись, Реджи поняла, что это вырезка из журнала, а не ткань с вышивкой.

Кэролайн носила черную водолазку с завернутым воротником и вельветовый блейзер со вставками на локтях. На ней были ужасные очки в оправе «авиатор», и от нее пахло чесноком. Реджи проголодалась, пока ехала до больницы, и теперь ее желудок болезненно всколыхнулся. Кэролайн указала на мягкий стул с подозрительными темными пятнами, на который не хотелось садиться. Оглядевшись по сторонам и убедившись в том, что больше сесть некуда, Реджи осторожно опустилась на краешек стула и пристроила у ног свою кожаную сумку.

– Как вы понимаете, мы постарались сделать все как можно тише и деликатнее, – сказала Кэролайн, подавшись вперед на своем стуле, так что ее живот вдавился в край захлам-

ленного стола. – Насколько мне известно, журналисты еще ничего не слышали, но я не гарантирую, что это надолго. Мы постарались ограничить визиты сыщиков, спецагентов и так далее, так как это изнуряет ее. И по правде говоря, я думаю, что ей больше нечего им сказать.

– Она сказала, где была все эти годы? Или что-нибудь о Нептуне? – Реджи закашлялась, когда произносила это имя. Ей вспомнились телефонные звонки и звук его дыхания в ее здоровом ухе.

– Ни слова. Вообще никакой связной картины. Известных фактов очень мало. Мы знаем, что последние два года она то жила в приюте для бездомных, то уходила оттуда. Она пользовалась фальшивым именем: Ивонна Кейнард. Сотрудники приюта настаивали на психиатрическом обследовании, но она отказалась. У нее уже некоторое время наблюдался сильный кашель. На прошлой неделе, когда она потеряла сознание в приюте, ее забрала «Скорая помощь». Кажется, ей понравился врач – тот самый, которому она назвала свое настоящее имя.

Реджи не удержалась от смеха.

– Дайте угадаю... высокий, красивый брюнет?

Кэролайн как будто смутилась.

– Доктор Рашана. Да, полагаю, это он. – Ее желтоватые щеки покрылись румянцем. – Она сказала ему, что была девушкой с рекламы кольдкрема «Афродита».

– Уверена, так она и сказала, – сказала Реджи. Это была

стандартная реплика ее матери: «Вы знаете, что я была девушкой с рекламы кольдкрема «Афродита»?» Реджи могла представить лицо бедного врача: бездомная женщина, возможно, вдвое старше его, говорит, что когда-то она была королевой красоты. Черт побери, вероятно, он даже не слышал про кольдкрем «Афродита». Компания отошла от дел в начале 1980-х годов.

– Это была ее заявка на славу, – объяснила Реджи.

– Полагаю, теперь у нее появилась новая заявка, – сказала Кэролайн.

Реджи кивнула. В животе словно зашевелился клубок змей.

Последняя жертва Нептуна. Единственная, кому удалось выжить.

До нее лишь теперь начало доходить, какая волна поднимется в прессе, когда станет известно, что Вера жива. Реджи помнила, какими безжалостными они были, когда рука ее матери появилась на крыльце полицейского участка. Они разбили лагерь перед «Желанием Моники», повсюду следовали за Лорен и Реджи, задавали отвратительные вопросы. Некая гадина по имени Марта Пэккетт написала книгу «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс», где изобразила Веру проституткой, и не нужно было читать между строк, чтобы понять, что, по мнению автора, Вера получила по заслугам.

Марта месяцами выслеживала их семью, поджидала

Реджи возле школы и говорила что-нибудь вроде: «Должно быть, это тяжело, Реджина. Если тебе нужно с кем-то поговорить, просто чтобы развеяться, я буду рядом». Ну, да. Последним человеком, с которым Реджи хотела бы поговорить, была Марта Пэкетт и ее проклятый кассетный магнитофон.

Кэролайн кашлянула.

– Согласно моим записям, ваша мать пропала в 1985 году.

Реджи кивнула. У нее началась головная боль.

– С тех пор ей пришлось пройти через многое, Реджина. – Кэролайн моргнула за стеклами безобразных очков и наградила Реджи сочувственным взглядом дипломированного психотерапевта.

Внезапно вспомнив причины, по которым она ненавидела психотерапевтов, Реджи постаралась не закатывать глаза. Неужели эта женщина считает ее идиоткой?

– Можно говорить «Реджи», да, я хорошо понимаю, что ей пришлось вынести. Теперь мы можем пойти к ней?

Кабинет казался тесным и лишенным воздуха. Раскидистые хлорофитумы как будто выросли у нее на глазах.

– Я просто хотела, чтобы вы были готовы. Она не та женщина, которую вы помните.

Поганое откровение. Когда Реджи последний раз видела мать, та была на двадцать пять лет моложе и имела две руки.

– Мне это известно.

– Она может не узнать вас.

– Когда мы последний раз виделись, мне было тринадцать

лет. Я и не ожидаю, что она узнает меня. – Реджи подвинулась на стуле и подняла руку, чтобы потрогать рубец вокруг левого искусственного уха, но вовремя остановилась. Она не хотела новых сочувственных взглядов от этой женщины.

– Не знаю, как много рассказала ваша тетя, но ваша мать сильно возбуждена и находится в сумеречном состоянии сознания. У нее есть признаки параноидного синдрома и галлюцинаций. Это состояние может иметь несколько причин: глубинные психиатрические проблемы, долгое злоупотребление алкоголем и ее нынешняя болезнь.

А как насчет того, что она находилась в плену у проклятого серийного убийцы? Разве это не сделает кого угодно немного безумным? Реджи закусил губу, чтобы удержаться от этих вопросов. Она представила, как Кэройлайн Уилер делает пометку, что чрезмерная возбудимость – это их семейная черта. Вместо этого Реджи понимающе кивнула. Ей хотелось покончить с пустопорожними разговорами и встретиться со своей матерью, в каком бы состоянии та ни находилась.

– Мы держим ее на некоторых препаратах, позволяющих ей быть более... спокойной, и я уверена, что доктор Рашана готов все с вами обсудить. Мне известно, что он разговаривал по телефону с вашей тетей и договорился о симптоматической терапии на дому. Как мы объяснили, ваша мать нуждается в круглосуточном уходе.

Глубинные психиатрические проблемы. Симптоматиче-

ская терапия.

Слова прыгали в голове Реджи, как шарики для игры в пинбол, отскакивая от звончков и гудков, от которых у нее разболелась голова и заныла челюсть.

– Ничего нельзя поделать? – спросила Реджи, негодуя на жалобные детские нотки в своем голосе. Она откашлялась и продолжила своим лучшим профессиональным тоном, четко выговаривая каждое слово: – Я имею в виду лечение ракового заболевания.

– Это большой вопрос для доктора Рашаны. Но, насколько я понимаю, болезнь зашла слишком далеко, и остается лишь, по возможности, обеспечивать ей комфорт... и безопасность.

«Поздновато для этого», – подумала Реджи, но снова закусила губу, на этот раз так сильно, что ощутила вкус крови.

27 мая 1985 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Просыпайся, непоседа.

– Мама?

– Может быть. А может быть, кто-то еще. Может, это старина Дьявол пришел за тобой.

Реджи чуяла запах джина, сигарет и духов «Табу». Мать заползла под одеяло и свернулась вокруг тела спящей дочери, словно змея в поисках тепла. Вера крепко прижала Реджи к себе, выдавив воздух из ее легких.

– Очень смешно. – Реджи открыла глаза.

– Не поворачивайся, а то заметишь мои рога. Чувствуешь, как они тычут в тебя? – Она ткнула острым ногтем в спину Реджи.

– Ой! Прекрати!

Вера хрипло рассмеялась.

– Ты знаешь, что хмуришься во сне? – проворковала она и прижалась губами к щеке Реджи. Волосы матери свесились вниз и защекотали шею девочки. – Давай, просыпайся, а то я пушу в ход свое раздвоенное копыто.

– Сколько времени? – простонала Реджи и покосилась на красные цифры электронных часов: 02.15. Иногда репетиции затягивались допоздна, а потом Вера отправлялась выпить с актерами и работниками сцены. Зачастую она ноче-

вала на диване или в мансарде у Кролика.

Реджи потрогала шрамы и металлические выпуклости сбоку от них. Она сняла ухо и положила его в ящик прикроватного столика, потому что не могла спать с ним. Два титановых штырька напоминали ей контакты батарейки, как будто она была роботом, которого нужно подключать к сети и подзаряжать.

– У меня есть секрет, – сказала Вера, ласково поглаживая дочь по лбу. – Хочешь узнать?

Голос Веры был бодрым и оживленным, как после утренней прогулки.

– М-мм, – промычала Реджи, которой с трудом удавалось держать глаза открытыми. Может быть, зарядка кончилась? – Усталый робот, – пробормотала она.

– Я кое с кем познакомилась. С особенным человеком. Думаю, он может стать *тем самым* человеком. – Вера произнесла эти слова взволнованным шепотом, как произносила имена знаменитостей.

– Здорово, мам, – сказала Реджи и снова закрыла глаза. Она начала проваливаться в сон и слышала лишь немногие слова, произнесенные матерью: «Важно... два дома... самый чистый автомобиль, который ты только видела...»

– А как же Кролик? – спросила Реджи, стараясь не заснуть окончательно и улавливать, о чем говорит мать. Голос Веры звучал так радостно и взволнованно, что Реджи хотелось разделить ее радость.

– Он больше не при делах, – ответила Вера.

Реджи сомневалась в этом. Кролик всегда оставался «при делах», даже если временно отступал на второй план. Вера встречалась со многими другими мужчинами, но Реджи почти ничего не знала о них. Был Сол, профессиональный фотограф, который со временем мог стать ее обратным билетом в мир рекламы и фотомоделей. Был мужчина по имени Джимми, работавший в ресторане, и еще молодой красавец в автофургоне «фольксваген», который останавливался на подъездной дорожке и дважды сигналил, оповещая о своем прибытии. Реджи не знала его настоящего имени, но называла его «мистер Голливуд», поскольку Вера говорила, что он играл эпизодические роли в нескольких блокбастерах. Она обещала Реджи, что как-нибудь возьмет напрокат видеокассеты и они вместе посмотрят эти фильмы.

– Это новый человек, – сказала Вера.

– М-мм. – Реджи снова клонило в сон.

– Он все изменит, – продолжала мать. – Я чувствую это.

Реджи снились механизмы. Шестерни, колеса и батареи. Они лязгали, бухали и пахли смазкой и электрическими разрядами.

Когда она проснулась, было больше десяти утра.

– Вот черт, – пробормотала она, когда поняла, что уже опоздала на встречу с Чарли и Тарой в центре города.

Мать ушла. Единственным, что осталось, был след от ее губной помады на подушке.

Реджи села, прикрепила искусственное ухо и открыла шкаф. Одежда, купленная для нее матерью, была сдвинута на одну сторону: платья и юбки, модные джинсы, обтягивающие брюки из нейлона, блузки со слишком низким вырезом. Реджи никогда не хватало смелости сказать матери «нет», когда они отправлялись за покупками, и Вера отбирала один наряд за другим со словами: «Вот это будет очень мило».

Может быть, и так, но для другой девочки, а не для Реджи.

Она оставила всю эту одежду без внимания и обратилась к старым, проверенным вещам: джинсам «Левис» и футболке, которую купила для нее Лорен.

Реджи быстро оделась, проверила перед зеркалом свою новую прическу и ухо и направилась на кухню. Лорен была там и тонким слоем намазывала масло на ломтик пшеничного тоста. Каждое утро ее завтрак был одинаковым: разбавленный чай и почти сухой тост.

– Мама встала? – спросила Реджи.

Лорен покачала головой и поджала губы.

– Я слышала, как она пришла вчера ночью, – сказала она.

Реджи открыла холодильник, взяла апельсиновый сок и налила себе в стакан.

– Тебе пора научиться запирать дверь на ночь, – продолжала Лорен.

– А? – Реджи закрыла дверцу холодильника и повернулась к тете. Сколько Реджи себя помнила, волосы Лорен были седыми, и она носила их зачесанными в тугой узел на за-

тылке. У нее были заостренные, птичьи черты лица, дымчато-голубые глаза и тонкие губы, которые всегда выглядели облезшими или обкусанными. Она работала в секретариате начальной школы Брайтон-Фоллс – печатала докладные записки, составляла и вела списки прогульщиков. Летом она работала лишь по два дня в неделю. Сегодня она была одета в обычный домашний наряд: мешковатые штаны, рубашку, поношенный и покрытый пятнами рыбацкий жилет и шляпу, которая принадлежала ее отцу и была слишком велика ей, отчего Лорен казалось странно юной для сорокалетней женщины.

– Это неправильно, – сказала Лорен со своим фирменным кислым выражением лица. – Нехорошо будить тебя, когда она в таком состоянии.

– У нее была поздняя репетиция, – сказала Реджи. – Потом они, должно быть, немного выпили в баре. Ты же знаешь, что говорит мама: все это часть театральной жизни.

Лорен поморщилась.

– Запирай дверь на ночь, Реджина.

Реджи допила сок, кивнула и поспешно вышла из кухни.

* * *

Она вывела свой десятискоростной велосипед из гаража и поехала по дорожке. Парад в честь Дня поминовения, должно быть, уже начался; это было самое яркое событие года в

Брайтон-Фоллс, отмечавшее наступление лета. Бедный Чарли был занят, раскладывая шарики мороженого в парке на мероприятии «Лайонс-Клуб». Его дядя Бо, который владел местным дилерским центром «Форд», приставил его к этой работе вместе со своим сыном Сидом. Отец Чарли на параде будет сидеть за рулем «краун виктории» – нового автомобиля полицейского департамента.

По пути Реджи представляла себе реакцию Чарли на ее новую стрижку. Ему понадобятся две попытки: сначала он с трудом узнает ее, а потом не сможет отвести глаз. Мать сказала, что прическа шикарная, и добавила: «Впервые в жизни ты не прячешься за своими волосами».

Реджи повернула налево на Стони-Филд-драйв, потом направо, к загородному клубу. Тонкие шины велосипеда прогибались, когда она пересекала железнодорожные пути. Ветерок шевелил короткие волосы, солнце нагревало новое ухо из латекса.

Она миновала городской автосервис «Миллерс-Фарм» и проехала под эстакадой железнодорожного моста, которую каждый год разрисовывали выпускники средней школы. «Выпуск 1985 года: рок-н-ролл навсегда!» – гласили оплывшие буквы, нанесенные красной краской.

Мэйн-стрит по обе стороны была полна зрителей в шезлонгах и на садовых стульях. Реджи слышала звуки марширующего оркестра средней школы, игравшего «Звезды и полосы». Ей было жарко, и капельки пота стекали между лопат-

ками. Малыши махали крошечными американскими флагами. Какой-то парень на углу продавал воздушные шары, пластиковые мечи и пневматические пистолеты, которые бухали как пробки из-под шампанского, когда мальчишки перестреливались друг с другом через улицу.

Реджи зигзагами пробиралась через толпу, направляясь вслед за парадом к югу от Мэйн-стрит, в сторону парка. Она ощущала возбуждение множества людей и принадлежность к чему-то большему, чем она сама. Это был ее город. Она знала многих жителей. Людей, для которых делал обувь ее дед. Людей, с которыми ее мама и тетя ходили в школу. Реджи высоко держала голову, втайне надеясь, что кто-то в толпе узнает ее и скажет, какая у нее чудесная стрижка и какой взрослой она теперь выглядит.

Реджи подъехала к парку и соскочила с велосипеда. На краю лужайки сидел у стола одноногий старик в кресле-коляске и собирал пожертвования для ветеранов-инвалидов, раздавая красные искусственные маки. Реджи улыбнулась, полезла в карман за четвертаком и обернула проволоочный стебель мака вокруг руля своего велосипеда.

«Лайонс-Клуб» поставил в парке шатры с длинными столами. Там жарили сосиски на гриле и резали арбузы. Реджи заметила в дальнем конце Чарли, набиравшего совочком мороженое. Он облачился в клубный фартук и выглядел совершенно несчастным. Его двоюродный брат Сид стоял рядом с ним, и Реджи подумала, что ей не приходилось видеть двух

более разных родственников. Чарли был маленьким и жилистым, с очень короткой стрижкой и огромными карими глазами, которые напоминали зрачки лемура. Сид же был высоким мускулистым парнем с нечесаными светлыми волосами и расслабленным выражением благодушного недоумения на лице.

Сид оканчивал среднюю школу Брайтон-Фоллс, ездил на «мустанге» и торговал травкой, хотя говорили, что он прокуривает большую часть своей выручки. После школы и по выходным он работал смотрителем в загородном клубе. Он носил армейские нестроевые шорты и белую рубашку-поло с вензелем загородного клуба Брайтон-Фоллс. Его постоянно красные глаза скрывались под темными очками «Рэй-Бэн».

Тара стояла поблизости и неторопливо облизывала мороженое в вафельном рожке.

– Боже мой! – воскликнул Чарли, когда увидел Реджи. Он отступил на шаг с потрясенным и даже немного испуганным видом. – Что случилось с твоими волосами?

Реджи как будто двинули дубинкой в живот.

– Ты говорил, мне нужно постричься, – с запинкой отозвалась она.

– Я сказал «постричься», а не срезать все подчистую!

Сид лишь улыбнулся с добродушным и немного глуповатым видом.

– Превосходно, – одобрила Тара, облизывая вафельный рожок. – Она похожа на лесную фею!

– Она похожа на парня, – пробормотал Чарли и отвернулся.

– Кончай, – вмешался Сид. – Стиль «унисекс» – последний писк моды. Только посмотри на Энни Леннокс⁸.

В животе у Реджи завязался плотный узел. Ее лицо и ухо горели, в уголках глаз собирались слезы. Тара пристально посмотрела на подругу и сжала ее руку.

– Не слушай этих недоумков, – сказала Тара. – Ты великолепна.

Реджи смотрела себе под ноги.

– Рад видеть тебя, Реджина. – Дядюшка Бо вышел из-за спин Чарли и Сида. Он только что надел фартук «Лайонс Клуб» и выглядел слегка пьяным.

– Где ты был, па? – спросил Сид. – Все искали тебя и сильно переживали. У нас тут была целая драма с пропавшими булочками для хот-догов.

– У нас заканчивались лед и содовая вода. Рынок Ферраро был закрыт, и мне пришлось добираться до Камберленд-Фарм, чтобы раздобыть еще немного.

Бо был крупным мужчиной с лицом, похожим на окорок, – мясистым, блестящим и розовым. Он открыл пакет со льдом и аккуратно срезал верхушку перочинным ножом, выгрузив содержимое в кулер. – Как поживает твоя матушка, Редж?

⁸ Энни Леннокс (р. 1954) – шотландская певица, лауреат множества музыкальных премий, кавалер ордена Британской империи.

– Вроде отлично, – ответила Реджи и невольно поежилась. Она вспомнила, как мать заползла к ней под одеяло поздней ночью, притворяясь дьяволом, от которого несло джином. Бо как-то улыбнулся уголком рта, отчего Реджи стало не по себе. Ее мать и Бо вместе учились в средней школе и даже какое-то время ходили на свидания. Теперь Бо был женат, имел сына, который приторговывал коноплей, и жил в большом старом доме у подножия горы, продавая «форд-эскорты» и «F-150».

– Передай ей привет, ладно? – Бо подмигнул. Его взгляд пробежал по Реджи сверху вниз, словно в поисках присутствия Веры. Ничего не обнаружив, Бо тихо фыркнул.

– Конечно, – заверила Реджи и подумала: «Хрен тебе, гадина».

Тара наклонилась и прошептала ей на ухо:

– Кто этот извращенец? Он то и дело поглядывает на мои титьки. И могу сказать, что он врет насчет льда. Небось трахал какую-то девчонку-скаута.

Бо посмотрел на них, и Реджи на секунду показалось, что он все слышал. Тара одарила его ответным взглядом, откусила большой кусок мороженого от своего рожка, потом, не отводя взгляда, медленно и с довольным видом облизнула губы. Вот больная! Ну точно, больная.

– Пожалуй, нужно решить загадку с пропавшими булочками, – отрывисто произнес Бо, оторвав взгляд от Тары. Он выглядел вспотевшим и рассеянным, когда направился к гри-

– Чарли просто осел, – сказала Тара немного позже, когда они пришли домой к Реджи. Они сидели в гостиной, смотрели канал MTV и ели кукурузные чипсы из пакетика. – Ты не должна слушать то, что он болтает. Эта прическа как будто создана для тебя.

– М-мм, – пробурчала Реджи.

– Через десять минут будут новости, и мы переключимся на другой канал, – предупредила из кухни Лорен.

– Вот тоска-а-а, – застонала Тара. Ее мать работала двойную смену, и Реджи знала, что Тара не захочет идти домой. Она ненавидела одиночество. Когда ее мать брала много работы, Тара проводила большую часть времени в «Желании Моники».

– Могу я кое-что спросить? – обратилась к ней Реджи.

– Валяй, – сказала Тара и сунула в рот очередной оранжевый ломтик.

– Он тебе нравится?

– Чарли?

– Да.

Тара задумчиво пожевала.

– Он нормальный и все такое, но это не мой тип.

Реджи оставалось только гадать, какие парни нравятся Та-

ре. Возможно, кто-то вроде ребят из театрального клуба, которые слушали группу Cure и носили прически с торчащими шипами волос. Но Реджи ни разу не видела, чтобы Тара говорила с кем-то из них. Единственными школьниками, с которыми она проводила время, были Реджи и Чарли.

– Такой, как Чарли, шансов у меня не имеет, – продолжала Тара. – У меня есть особые секреты, которые я не выдам ему и за миллион лет.

Реджи кивнула. Тара посмотрела ей в глаза.

– Но может быть, тебе я скажу. Когда-нибудь.

Лорен решительно вошла в гостиную.

– Пора переключаться на третий канал. Давайте послушаем, что нам сегодня скажет Эндрю Хэддон.

Реджи была уверена, что Лорен тайно влюблена в метеоролога «Актуальных новостей» Эндрю Хэддона. Он был похож на долговязое пугало, и ни одна рубашка не сидела на нем как следует. Во время прогноза погоды он неизменно запускал игровой автомат, который якобы подводил итог предсказаниям синоптиков. Вместо яблок и вишенок там были картинки солнца, облаков, снега и дождя. Он с улыбкой крутил колесо, словно делал погоду своими руками, потом опускал взгляд и провозглашал: «Завтра будет солнечный денек! Выходите на улицу и радуйтесь!» или: «Завтра не будет ничего, кроме дождя. Не забудьте захватить зонтики!»

Реджи взяла пульт и переключила канал. Там шла реклама, где мужчина в костюме цыпленка рекламировал дилер-

ский автосалон Бо Бэрра. «Никаких кредитов, никаких проблем! Не будьте пугливыми цыплятами, заходите к нам!»

– Думаешь, это действительно сам старина Бо Бэrr в цыплячем костюме? – спросила Тара и подалась вперед, пристально взглядываясь в экран. Реджи вспомнила, как многозначительно Тара откусила кусочек мороженого, а потом облизала губы, глядя на Бо. Мысль об этом была тошнотворной.

– Нет, – сказала Реджи. – Наверное, это один из бедных продавцов в его автосалоне. А может быть, это Сид.

– Точно не он, – отозвалась Тара.

– Кто такой Сид? – спросила Лорен.

– Сын Бо Бэрра, – объяснила Реджи. – Он вроде как бабуется травкой.

Лорен скорчила кислую мину.

– Бо Бэrr когда-то ухаживал за мамой, верно?

– Не помню такого, – пренебрежительно сказала Лорен.

– Не может быть! – взвизгнула Тара. – Правда?

Реджи кивнула.

– Мама рассказывала мне. Это было, когда они оканчивали среднюю школу. Тогда Бо был звездой футбола.

Лорен промолчала, вертя в руке вылезшую нитку из диванной обивки.

– Кстати, а где мама? – спросила Реджи.

– Не знаю, – ответила Лорен. – Она встала незадолго до полудня и молча ушла.

Реджи знала, что после новостей Лорен пойдет в гараж, возьмет удочку и болотные сапоги, а потом направится вниз по склону заднего двора к маленькой бухте, где останется до тех пор, пока не станет слишком темно, чтобы ловить рыбу на муху. Левая сторона крыльца, где Лорен сидела вечерами, пропиталась терпким запахом рыбы, который сопровождал ее повсюду. Реджи не удивилась бы, в один прекрасный день увидев жабры у нее на шее.

– Осталось две недели до школьных каникул, – обронила Лорен, по-прежнему занимаясь вылезшей ниткой.

– Ага. – Тара потянулась за очередным ломтиком кукурузных чипсов. – До свидания, неполная средняя школа Брайтон-Фоллс! И слава богу!

– Наверное, вам обоим стоит устроиться на работу, – сказала Лорен.

Тара рассмеялась.

– Мы еще слишком маленькие.

– Я с двенадцати лет работала в отцовском магазине, – возразила Лорен.

– Это было еще до принятия закона о детском труде, – парировала Тара. – Средневековье! – добавила она, стряхнув оранжевые крошки со своих черных джинсов, и заговорщицки подмигнула Реджи.

– Не думаю, что молодым людям полезно лодырничать, – заметила Лорен.

– Мы не собираемся лодырничать, – ответила Реджи. –

Мы собираемся достроить домик на дереве. И может быть, я помогу Чарли стричь лужайки.

Чарли стриг траву у соседей с тех пор, как умерла его мать. Он зарабатывал неплохие деньги и всегда искал помощников.

– Говори за себя, Дюфрен, – сказала Тара. – Я собираюсь бездельничать сколько влезет. Валяться на диване, жевать леденцы и загорать.

Реджи невольно засмеялась. Мысль о Таре, принимающей солнечные ванны, была нелепой. Ее даже никогда не видели в рубашке с короткими рукавами.

– А ты не умрешь, если окажешься под солнцем? От внезапного самовозгорания или чего-нибудь в этом роде?

Тара улыбнулась.

– А еще я не вижу своего отражения в зеркале. И не вздумай креститься в моем присутствии!

– Хватит, Тара! – отрезала Лорен.

– Извините, мисс Дюфрен, – нежным голосом пропела Тара.

Главный сюжет шестичасового выпуска новостей заставил их всех затаить дыхание и подвинуться ближе к телевизору, где за столом сидел диктор с безупречной прической и квадратной челюстью.

– Сегодня на крыльце полицейского участка Брайтон-Фоллс была обнаружена женская рука. Незваный источник в департаменте полиции сообщает, что руку оставили

в картонке из-под молока, завернутой в коричневую бумагу.

У Реджи возникло ощущение, что она попала в кинофильм, а реальная жизнь осталась где-то позади.

– Что за дьявольщина? – воскликнула Тара, но Лорен была так потрясена, что не сделала ей замечания за ругань.

Реджи непроизвольно дернула ногой, как в тот раз, когда врач стукнул по ее колену резиновым молоточком. Нервный тик пробежал по всему телу, словно ее дергали за невидимые нити.

Детектив, дававший интервью репортерам, мало что мог сказать. Это был краснолицый здоровяк с густыми усами, в зеленой спортивной куртке из полиэстера.

– Бог ты мой, – ахнула Тара. – Это же отец Чарли!

– Это не он, – отозвалась Реджи и наклонилась ближе к телевизору.

– Реджина, не заслоняй экран, – велела Лорен. – Ты мешаешь мне смотреть.

Реджи вернулась на диван.

– Очень похож, – сказала Тара. – Он... он теперь вроде знаменитости.

– У вас есть версия, кому может принадлежать эта рука? – спросил репортер. – Принадлежала она мертвому человеку или живому?

– Боюсь, на данном этапе я не могу давать комментарии, – сказал усатый детектив. Он попросил всех, кто находился в центральной части города и видел человека с корич-

невым свертком, позвонить в полицейский участок. Реджи взгляделась в его лицо. Тара была права: это отец Чарли. Он выглядел более грузным, изможденным и более похожим на картофелину, чем в реальной жизни. С другой стороны, в последнее время Реджи почти не встречалась с ним. Чарли редко приглашал ее к себе, а когда это случалось, его отец всегда находился на работе.

– Гос-споди! – Тара открыла рот; ее глаза были огромными, голодными и светились изнутри, как это бывало, когда она заводила одну из своих игр о конце света.

Лорен разгладила руками свой запятнанный рыбацкий жилет, покачала головой и на мгновение закрыла глаза, словно загадывала желание.

Реджи подняла руку и прикоснулась к своему новому уху, отстегнула его, а потом со звучным металлическим щелчком поставила на место.

Отрывок из книги Марты С. Пэкетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»

Офицер Томас Спэрроу был первым, кто заметил сверток, вернувшись с парада примерно в 11.45. Сверток находился на верхней площадке гранитной лестницы, ведущей к главному входу в полицейский участок Брайтон-Фоллс. Это был сверток из плотной коричневой бумаги, перевязанный бечевкой. Офицер Спэрроу, лишь недавно приступивший к исполнению своих обязанностей, развязал бечевку, не известив начальство и не выставив защитное ограждение вокруг вероятного взрывного устройства.

«Не знаю, о чем я думал», – признался он потом в интервью со мной. Это был румяный двадцатидвухлетний юноша, который получил степень по специальности «уголовная юстиция» в местном двухгодичном колледже и сразу же подал заявление о работе в полиции. Он вырос в Брайтон-Фоллс и всегда хотел стать полисменом. «По-моему, я подумал, что произошла ошибка, понимаете? Кто-то оставил пакет на крыльце, а потом случайно забыл о нем. Он выглядел примерно так же, как пакет из булочной, аккуратно завернутый и перевязанный бечевкой».

Под коричневой бумагой Спэрроу обнаружил красно-белую картонку из-под молока, скрепленную степлером. Движимый любопытством, он вскрыл коробку и увидел женскую руку с безупречно наманикюренными ногтями кораллового оттенка. Офицер Спэрроу отложил коробку и поспешил в участок, где оповестил о своей находке дежурного сержанта, а потом побежал по коридору в мужской туалет, где его вывернуло наизнанку.

16 ноября 2010 года.

Уорчестер, штат Коннектикут

– Реджина? – пробормотала женщина, лежавшая под одеялом. – Это ты?

Ее лицо страшно исхудало, кожа была такой тонкой и белой, что под ней проступали пульсирующие голубые вены. Волосы некогда роскошного платинового оттенка теперь были бесцветными и безжизненными, словно рисовая лапша. Но это, без сомнения, была Вера.

Реджи застыла в дверях. У нее так сдавило в груди, что, казалось, весь воздух вышел из легких, а сердце остановилось.

«Давай же, заходи, проклятая трусиха».

– Это я, мама, – сказала Реджи. Как это странно: гадать о том, кого видит перед собой ее мать. Может быть, какая-то часть ребенка, которым была когда-то Реджи, – девочки, состоявшей из угловатых плечей и коленок, словно нелепая марионетка, выглядывала сейчас из-под темных локонов вьющихся волос и женского тела ростом в пять футов и восемь дюймов? В конце концов, возможно, она не так уж сильно изменилась. В кожаном пиджаке, джинсах и сапогах – она по-прежнему одевалась как девчонка-сорванец, которой всегда была.

Путь от двери до кровати показался ей вечностью. Сапо-

ги Реджи скользили по навощенному полу, как по льду. Ей снова было десять лет, и она снова оказалась на пруду Рикера, где мать учила ее кататься на коньках.

Реджи приблизилась к кровати и положила дрожащую руку на плечо Веры. Там осталось очень мало плоти; Реджи ощущала узловатые кости, образующие хрупкий каркас, скреплявший мать воедино. Реджи вспомнился конструктор, с которым она играла в детстве и складывала несколько наборов, чтобы построить башню до самого потолка, – башню, которая крепилась, шаталась и в конце концов обрушивалась на пол. Руки Веры были скрыты под одеялом, и Реджи невольно смотрела туда, пытаясь представить правую руку, отрезанную у запястья. Одеяло было тонким и белым, с голубой надписью «Собственность медицинского центра UMASS». Вера согнула ноги в коленях, сделав из одеяла некое подобие шатра. Подушка под ее головой была влажной и в грязных разводах.

Взгляды матери и дочери встретились. Реджи слегка повернула голову и откинула волосы, обнажив шрамы вокруг искусственного уха. Доказательство. Вера улыбнулась и прошептала что-то неразборчивое. Реджи наклонилась ближе.

– Что ты сказала?

– Здесь тебе нужно быть осторожной. Люди не те, за кого они себя выдают. Вроде нее. – Вера покосилась на Кэролайн Уилер, стоявшую в дверях. – Она знает старину Дьявола.

Дыхание Веры было теплым и кисловатым. У нее не хва-

тало нескольких зубов.

– Хочешь, я отошлю ее?

Вера распахнула глаза.

– Ты можешь это сделать?

Реджи улыбнулась.

– Смотри.

Она встала, подошла к Кэролайн и объяснила, что им с матерью нужно побеседовать наедине. Сотрудница социальной службы заметно нервничала. Она переводила взгляд с Реджи на Веру, потом обратно. Может быть, Реджи казалась ей недостойной доверия или даже опасной? А что если она состоит в сговоре с Нептуном?

– Хорошо, – наконец сказала Кэролайн. – Если я вам понадобится, буду у дежурной медсестры.

Реджи вежливо улыбнулась, но не могла представить ситуацию, в которой ей понадобится Кэролайн Уилер. Реджи заперла бы дверь, если бы это было возможно.

– Так лучше? – спросила она, вернувшись к матери.

Ее мать. Боже... хотя Реджи находилась здесь, прикасалась к ней, ощущала ее дыхание, она до сих пор не могла в это поверить. Живая Вера. Реджи быстро подсчитала в уме и осознала, что ее матери недавно исполнилось шестьдесят лет. С запавшими чертами лица и дряблой кожей, она выглядела на все восемьдесят. Было ли это результатом раковой опухоли или многолетних невзгод? Чего стоило сломить такого человека? Превратить его в сморщенную куклу, лишь

отдаленно напоминавшую прежний облик?

Судя по всему, Кэролайн Уилер считала, что разум Веры помутился и она больше не могла рассказать ничего полезного об убийце. Но она должна что-то помнить, верно? И какие бы подробности она ни вспомнила, они вряд ли будут иметь отношение к расспросам в полиции или к сотруднице социальной службы с кусочками брокколи, застрявшими в зубах.

– Я собираюсь отвезти тебя домой, мама.

– Домой?

– В «Желание Моники». Ты этого хочешь?

Мать посмотрела на нее водянистыми серыми глазами.

– Ты там живешь?

Реджи застыла. *Черт побери, нет. Уже больше двадцати лет.*

– Нет, – ответила она. – Но я останусь с тобой столько, сколько ты захочешь.

Реджи ясно видела это: она принесет матери чай и заварной крем, и Вера расскажет ей обо всем, что на самом деле произошло после ее похищения. Реджи получит ответы, которые не смогли получить полицейские. Она раскроет это дело как настоящий частный детектив и сделает так, чтобы этот ублюдок получил то, что ему причитается. Если бы Реджи заведовала системой правосудия, она бы распорядилась пристегнуть Нептуна к столу и дать большой кухонный тесак родственникам тех женщин, которых он убил. Око за

око, рука за руку.

– М-мм... – протянула Вера с закрытыми глазами. Потом она снова широко распахнула их. – Здесь с людьми делают всякие вещи, – сказала она, понизив голос и озабоченно поглядывая на дверь. – Их забирают в подвал и вскрывают животы. А потом набивают как чучела.

Реджи смотрела на мать, не зная, что сказать. Она решила ограничиться понимающим кивком. *«Да, мама, я уверена, что они так и делают».*

Вера начала кашлять. Это был сырой, дребезжащий кашель. У нее заслезились глаза и вывалился язык. Она тряслась всем телом. Она то вынимала руки из-под одеяла, то совала их обратно, и Вера увидела обрубок: разрез был сделан чуть ниже костного выступа на запястье. Кожа там была бледной и глянцевитой – призрачная плоть. Если бы Реджи прищурилась, то почти смогла бы увидеть контуры отсутствующей ладони и пальцы, указывающие на нее. Мать наклонилась вперед, кашляя и тужась с такой силой, что казалось, будто у нее треснуло ребро. Рука Реджи потянулась к красной кнопке над изголовьем кровати. Следует ли вызвать медсестру? И вдруг все закончилось. Вера подвинулась в постели и так глубоко засунула в рот левую руку, что начала давиться. Потом она вынула руку и раскрыла ладонь.

– Видишь?

Реджи опустила глаза. Костяшки на пальцах матери распухли, средний и указательный пальцы пожелтели от нико-

тина. А в морщинистой ладони лежало нечто похожее на слизистый комочек белых нитей.

Реджи поежилась и ощутила, как к горлу подступает желчь.

– Давай увезем тебя отсюда, – сказала Реджи.

Она нашла пластиковый пакет с надписью «Личные вещи пациентов» и торопливо сложила туда все, что смогла найти: больничную зубную щетку и пасту, шампунь и дезодорант, желтую пластиковую расческу и лосьон для тела. В шкафу и на вешалке не нашлось никакой одежды, кроме длинного мужского пальто из черной шерсти. Подкладка местами оторвалась или прохудилась, на левом локте была дырка.

– Это твое, мама? – спросила Реджи и сняла пальто с вешалки.

Вера кивнула.

Пальто оказалось тяжелее, чем думала Реджи, и вскоре она поняла, что подкладка из прорех пошла на маленькие самодельные карманы, нашитые в разных местах. Реджи улыбнулась при виде очередного волшебного фокуса своей матери. Это была прежняя Вера, все такая же изобретательная, даже бездомная и немного спятившая.

Реджи залезла в один кармашек и достала пустой пластиковый пакет, перетянутый десятком разноцветных резинок. Порывшись в других кармашках, она нашла спички, раскрошенную сигарету, сломанный мобильный телефон, два целлофановых пакетика с солеными крекерами, заколки для во-

лос и почти пустой бумажник, если не считать просроченного купона на шампунь Herbal Essense. Ощупав рукава, Реджи нашла последний тайный кармашек в конце правого рукава, заколотый английской булавкой. Реджи отколола булавку и достала потрепанную ювелирную коробочку из красного бархата. Внутри лежали два обручальных кольца: женское и мужское. Реджи не была знатоком, но эти кольца не выглядели как дешевые украшения. Бездомная женщина, которая носит с собой ценные ювелирные изделия? Ерунда какая-то. Если только...

– Это твои, мама? – спросила она и достала из коробочки мужское кольцо. Оно было тяжелым и массивным; без сомнения, настоящее золото. – Ты *вышла замуж*? – Слова застряли на языке, и ей пришлось выдавить их.

Реджи знала, что Вера не выходила замуж за ее отца. Она даже не называла его имени и говорила, что это не имеет значения.

«Слон», – вспомнила Реджи и представила вырезанную в детстве картинку Ганеши, миролюбивого бога со слоновьей головой и призывно раскинутыми четырьмя руками.

Вера что-то прошептала в подушку, но Реджи удалось услышать лишь последнее слово: *Скоро*.

Повернув золотое кольцо, Реджи увидела аккуратно выгравированную надпись на внутренней стороне:

Пока смерть не разлучит нас

20 июня 1985 года

Реджи едва не выронила кольцо, как будто надпись вырвалась наружу и ужалила ее.

20 июня 1985 года.

Тот самый день, когда рука Веры оказалась на крыльце полицейского участка.

Отрывок из книги Марты С. Пэкетт «Руки Нептуна: подлинная история нераскрытых убийств в Брайтон-Фоллс»

Тридцатишестилетняя Андреа Макферлин была стильной женщиной с искусственной проседью в волосах и безупречным макияжем. Дипломированный бухгалтер, она работала в компании LaRouche&Jaimeson, где коллеги называли ее целеустремленной и добросовестной сотрудницей. Она помнила дни рождения всех, кто работал в офисе, и организовывала тайные подарки от Санта-Клауса на Рождество. В субботу, 25 мая, она отправилась в недельную бизнес-командировку, но так и не прибыла на свой рейс. Члены ее семьи и коллеги решили, что она слишком занята на конференции, поэтому не звонит, и никто не беспокоился из-за отсутствия вестей от нее. Впоследствии ее автомобиль нашли на долговременной автостоянке у аэропорта; ее чемодан по-прежнему лежал внутри.

27 мая рука с коралловым маникюром на ногтях была обнаружена на крыльце полицейского участка. Позднее было установлено, что рука принадлежала Андреа Макферлин, но лишь после того как через пять дней обнаружили ее тело.

«Сначала я не поняла, что она мертва, – сказала двадца-

тидевятiletняя Ребекка Хартли. Она каждое утро бегала трусцой в парке короля Филиппа и обнаружила тело Андреа Макферлин на рассвете 31 мая. – Я подумала, кто-то решил разыграть людей. Пьяные подростки в игре «Скажи или покажи» или что-то подобное. Потом я подошла ближе и все поняла».

Андреа Макферлин была обнаженной, с перевязанным запястьем, и ее усадили, прислонив спиной к центральной части фонтана.

«Ее глаза были открыты, – сказала Хартли. – Вы знаете, что мертвец может выглядеть тихо и мирно, словно он спит. Но только не она. Я никогда этого не забуду. Она сидела там, в центре фонтана, вода струилась по ее ногам, и когда я заглянула ей в глаза, то увидела чистый ужас».

Главный судмедэксперт штата Коннектикут д-р Олдос Рэмси установил, что Макферлин погибла от удушения за несколько часов до обнаружения тела. Кроме отсутствующей руки и следов от жгута на шее, других травм или признаков сексуального насилия обнаружено не было. Вокруг ее рук и ног нашли следы вязкого материала, как от клейкой ленты. Ее желудок был наполнен остатками вареного лобстера и топленого масла, съеденными за полтора-два часа до смерти.

1 июня 1985 года. Брайтон-Фоллс, Коннектикут

– Я знаю женщину, которая нашла ее.

Стоявшего за стойкой владельца кегельбана «Эйр-порт-Лэйнс» звали Дикс, и он давно дружил с Верой. Это был худой мужчина с сероватой кожей и округлым носом с отметинами от оспы, напоминавшим шары для боулинга, которые его окружали.

– Она играет по вторникам в «женской лиге», – продолжал Дикс. – Была здесь вчера вечером и все еще дрожала, как осиновый лист. Очаровательная девочка по имени Бекки. Просто крошечная, как куколка. Каждое утро около шести часов она выходит на пробежку в парке короля Филиппа. Думаю, она не скоро туда вернется.

Дикс вручил им поношенные кожаные туфли для боулинга с размерами, обозначенными пришитыми номерками на заднике: шестой размер – для Реджи, восьмой – для матери. Дядя Джордж принес свои туфли и отполированный шар.

– Эта Макферлин была совсем голая, не считая повязки на правой руке, – сказал Дикс. – Скорее всего ее задушили. Ребекка сказала, что видела синяки у нее на шее.

Вера тихо цокнула языком, подняла руку и прикоснулась к своему горлу. Джордж, явно решивший, что таких сведений более чем достаточно для тринадцатилетней девочки,

обнял Реджи за плечи и увел ее от стойки к дорожке № 3.

– Погоняем шары сегодня вечером, да, Реджи? – спросил он. Дядя Джордж был низкорослым лысеющим мужчиной с заостренными чертами лица и выступающей верхней челюстью, чем-то похожий на грызуна. Он носил маленькие круглые очки, но, наверное, давно не был у офтальмолога, потому что постоянно щурился. Про себя Реджи называла его Дядюшка Мышь, но с ласковым оттенком.

– Как считаешь? – с преувеличенным энтузиазмом повторил Джордж. – Готов поспорить, у тебя врожденный талант к боулингу.

Реджи пожала плечами. На самом деле она не хотела приходить сюда. Ей хотелось остаться дома и приколачивать черепицу к крыше деревянного домика, украдкой поглядывая на Чарли и вспоминая о том, как он поцеловал ее, пусть даже и не собирался это делать по своей воле. Но мать настояла на поездке вместе с дядей Джорджем.

– Я не умею играть в кегли, – сказала Реджи. – И, кроме того, ты называла Джорджа неудачником.

Реджи любила Джорджа, но мать постоянно дразнила его, насмеялась и подтрунивала над ним за его спиной.

– Тебе пора научиться катать шары, – ответила мать. – В определенных отношениях Джорджа можно считать неудачником, но он джентльмен до мозга костей. После боулинга он отведет нас на ужин в новый стейк-хаус. Я слышала, что там готовят печеную картошку пятью разными способами!

Надевай свои туфли, Реджина.

Джордж дружил с Верой со средней школы. «Он всегда был очень мил со мной, – с улыбкой говорила Вера. – Но он не герой моего романа. Увы, но любой мужчина, который проводит столько времени с кучей деревянных уток, в своем роде уже неудачник». Джордж коллекционировал макеты уток, а также изготавливал собственные экземпляры в столлярной мастерской, которую оборудовал в подвале. Еще он делал деревянные скамьи и чаши. Он даже изготовил на заказ письменный стол для Реджи и большое зеркало для Веры.

В кегельбане было темно и пахло лаком и антисептиком. На покрытом пятнами ржаво-коричневом ковре валялись окурки. Небольшое фойе с баром и подсвеченной рекламой пива казалось почти уютным по сравнению с гулким, похожим на пещеру залом, где были выложены десять дорожек для боулинга. Мать сразу же направилась к бару и заказала напитки.

Возле бара сидел мужчина в костюмных брюках и рубашке с жестким воротничком, баюкавший в руках бокал пива. Он что-то сказал Вере; та откинула голову и засмеялась. Вскоре она вернулась и принесла джинс с тоником для себя и безалкогольное имбирное пиво для Реджи и Джорджа. Реджи чувствовала себя неудобно в жмущих туфлях и ходила вперевалку, как пингвин, что очень смешило Веру.

– Его поймают, мама? – спросила она.

– Кого?

– Человека, который убил Андреа Макферлин.

Вера кивнула.

– Разумеется. Такое жуткое преступление! Полицейские не успокоятся, пока не отправят его за решетку.

Вера выбрала красный шар для Реджи и серебристый с блестками для себя.

– Ты знаешь, что делать, Реджина? – спросила она.

Реджи пожалала плечами. Она не катала шары в кегельбане с вечеринки на день рождения, когда ей исполнилось девять лет.

Вера поставила свой бокал на стол и показала Реджи, как нужно за четыре шага подходить к лицевой линии, отводить руку назад и отпустить шар.

– Пусть шар сам сделает остальную работу, – объяснила она.

Первые несколько шаров, пущенных Реджи, ушли в «молоко», но Джордж и мать все равно аплодировали. Потом Джордж вышел к лицевой линии со своим специальным шаром. Он несколько раз подряд выбил все кегли и выиграл все возможные призы.

– Неплохо, Джордж, совсем неплохо, – сказала Вера. – Пожалуй, изготовление уток – не единственный твой талант.

Он улыбнулся и приподнял очки.

– У каждого человека есть не один талант, Вера, и тебе это известно.

– Знаешь, мне немного обидно, – сказала Вера, отпив большой глоток из своего бокала. – Все эти годы ты мастерил своих диких уток и кольцехвостых...

– Шилохвостых, – перебил Джордж.

– Что-что?

– Утки принадлежат к шилохвостым, – застенчиво объяснил он. – Кольцехвостые – это лемуры или млекопитающие вроде енотов.

Реджи уставилась в пол, жалея о том, что Джордж поправил ее мать. А лемуры навели Реджи на мысли о Чарли с его огромными глазами и напомнили о том, как сильно ей не хотелось ехать сюда.

– В самом деле? – проворковала Вера. Она осушила свой бокал и с легкой улыбкой покатала по дну кубики льда. – Но суть в том, что ты так и не подарил мне ни одной зверушки.

Джордж выглядел искренне озадаченным.

– Я понятия не имел, что они тебе нравятся.

– Ну, конечно, нравятся. Право же, Джордж, иногда кажется, что ты совсем не знаешь меня.

Джордж вернулся на дорожку и сделал еще один подход. Шар покатился прямо по центру, но потом отклонился в сторону и сбил только две кегли.

– Проклятье, – пробормотал он.

Между тем Вера заказала в баре еще одну порцию и поговорила с мужчиной в белой рубашке, пока ждала своей очереди. Когда она вернулась, сняла кожаные перчатки и при-

нялась катать шары левой рукой, заверив Реджи, что результат был бы гораздо лучше, если бы она могла пользоваться правой. Джордж присвистнул и сказал:

– Видела бы ты свою маму в те времена! В средней школе она могла переиграть любого. Она была местной звездой.

Так или иначе, Вера продолжала играть левой рукой, и Реджи могла лишь гадать, насколько лучше в ее возрасте была мать. Вера носила голубое платье и такой же шарф, которым повязала волосы. Реджи она казалась ангелом, спустившимся с небес.

Потом она поймала себя на том, что смотрит на искаленную руку матери. Когда Вера заметила это, протянула руку к дочери, словно некое доказательство.

– У всех великих героев есть изъян, – обратилась она к Реджи. Ее голос стал более расслабленным от выпитого, и, когда она потянулась к новому уху Реджи, ее пальцы скользнули по шрамам за ушной раковиной. – Это одно из свойств, которое делает их героями.

Вера снова направилась к бару.

– Еще немножко выпью и перекурю, – сказала она. Примопившись рядом с мужчиной в белой рубашке, она заказала третий бокал и достала пачку «Винстона».

Реджи вернулась на лицевую линию, а Джордж встал сзади, направляя ее.

– Не держи шар так крепко. Вот так, расслабь руку. Теперь сделай подход и обратный замах. Представь прямую линию

между твоим шаром и передней кеглей. Посылай шар так, как будто это стрела, выпущенная в цель.

Реджи выпустила шар, который прокатился посередине и сбил все кегли, кроме двух в дальнем правом углу.

– Отлично! – одобрил Джордж. Реджи оглянулась в надежде, что мать видела это, но возле бара никого не было. У Реджи появилось странное, нервное ощущение в животе, перемешанное с привкусом подслащенного имбирного пива. Она ждала, слушая лязгающие и скрежещущие звуки возвратного механизма. Когда ее шар вернулся, она вложила пальцы в отверстия и заняла исходную позицию.

– Посмотрим, сможешь ли ты получить дополнительный шар, – сказал Джордж. – Представь линию, ведущую прямо к кеглям.

Реджи нацелилась на две оставшиеся кегли, но шар слишком далеко отклонился вправо и ушел в желоб. Обернувшись, она увидела, что мать еще не вернулась. Может быть, она пошла в уборную? Или вышла подышать свежим воздухом?

– Твоя мать занята, – сказал Джордж, когда отыграл свою очередь, и мрачно посмотрел в сторону опустевшего бара. – Пожалуй, я воспользуюсь возможностью посетить мужской туалет. Если твоя мама через минуту не вернется, не стесняйся и сыграй за нее.

– Но я испорчу ее результат! – проскулила Реджи и сразу же почувствовала себя глупо. Нет надобности ломаться и

изображать маленького ребенка.

Джордж издал странный звук – наполовину вздох, наполовину кряхтение – и ушел. Реджи направилась к бару, ощущая странное стеснение в груди. За стойкой сидел пожилой мужчина, протиравший бокалы.

– Могу помочь? – осведомился он.

– Э-э-э... я ищу свою маму.

Бармен пожал плечами.

Реджи направилась к задней двери, открыла ее и прищурилась от лучей раннего вечернего солнца. Матери нигде не было. С автостоянки на Эйрпорт-роуд выезжал светло-коричневый автомобиль. Потом Реджи посмотрела вниз и увидела слева от двери туфли для боулинга восьмого размера.

Кто-то положил руку на плечо Реджи, и она обернулась.

– Как насчет обеда с хорошим стейком? – спросил Джордж и выдавил улыбку на плотно сжатых губах.

– Спасибо, но мне что-то не хочется есть.

– Тогда я отвезу тебя домой. – Голос Джорджа был таким тихим, что Реджи едва слышала его, и она вдруг пожалела, что отказалась от обеда. – По правде говоря, у меня тоже пропал аппетит.

Они вернули туфли и посмотрели, как Дикс обрызгивает их антисептиком и ставит на полку. Джордж расплатился, и они направились к его пикапу. Джордж имел небольшой продуктовый бизнес и снабжал овощами и фруктами рестораны по всей долине. Из всех, кого знала Реджи, он был един-

ственным, кто мог восхищаться свеклой и брюквой.

– Пристегнись, – с улыбкой сказал он Реджи. Потом он вставил кассету в магнитофон, и Джонни Кэш запел «Кольцо огня». Джордж аккуратно вырулил с автостоянки. Он был осторожным водителем, который никогда не превышал скорость и все время посматривал в зеркала заднего вида. В салоне автомобиля всегда царила идеальная чистота, приборная доска сверкала. К опоре зеркала заднего вида был подвешен освежитель воздуха в форме деревца. Задняя часть пикапа была обклеена стикерами, гласившими: «Тише едешь – дальше будешь» и «Как только, так сразу».

– Мне очень жаль, – сказала Реджи.

– Вам не за что извиняться, юная леди.

– Она не должна была так уходить.

Джордж снова стиснул зубы.

– Нет, не должна, – отозвался он с резкостью, неожиданной для Реджи. – Это был наш вечер, только для нас троих. – Он крепко стиснул руль, но вскоре повернулся к ней и улыбнулся как ни в чем не бывало. – Послушай, малышка, твоя мать делает то, что хочет. Я уже давно усвоил, что нет смысла пытаться изменить ее. Живи сам и дай жить другим.

Минуту-другую они ехали в молчании, приближаясь к центру города. Реджи смотрела на аккуратный ряд магазинов: лавка для домашних животных «На другом конце поводка» стояла на том месте, где раньше находилась обувная мастерская ее деда.

– Как дела дома, Редж? – спросил Джордж.

Реджи закусил губу и вспомнила о своей матери, когда та прокралась к ней в постель и рассказала о новом мужчине. Лорен потом предупредила племянницу, что нужно запереть дверь на ночь.

– Вроде нормально, – ответила она, глядя на свои кеды.

– Вот и хорошо, – сказал Джордж и плавно переместился на другую полосу. Судя по голосу, он снова улыбался. – Даже очень хорошо.

* * *

В тот вечер в деревянном домике Реджи, Тара и Чарли склонились над свежим выпуском газеты «Хартфорд Экземинар». Заголовок гласил: **«Полиция рассматривает версии убийства Макферлин»**.

– Какие версии? – спросила Реджи, придвинувшись поближе, но Чарли изогнул газетный лист на себя. Тусклого света, сочившегося в открытые окна, едва хватало, чтобы различать слова. Голубой брезент над головами шелестел и хлопал на ветру.

– Они не говорят, – сказал Чарли. – Тут лишь сказано, что это официальное заявление полицейского департамента.

Сигареты Тары валялись на полу, и Чарли потянулся к ним, подцепив пачку длинными пальцами. Реджи не сказала им, что мать бросила их с Джорджем в кегельбане. Она про-

сто сообщила, что они решили отказаться от позднего обеда, и это очень хорошо, потому что так она сможет до наступления темноты уложить несколько черепиц. Но до сих пор они лишь сражались из-за газеты.

Реджи зажгла свечи и расставила их на полу, чтобы лучше видеть. Она выглянула из окна: небо было темным и облачным, надвигалась гроза.

Тара оттолкнула Чарли и просмотрела статью на второй странице: **«Родственники и коллеги потрясены утратой»**. Она была написана журналисткой Мартой С. Пэкетт. Там имелась фотография Андреа Макферлин – коренастой женщины с искусственной проседью в волосах и сильно накрашенным лицом. Она носила белую блузку с плиссированным воротником и розовато-лиловый блейзер.

– Боже мой, – сказала Тара, оторвавшись от газеты. – У нее двое детей: маленькие девочки трех и шести лет.

– А как насчет мужа? – поинтересовался Чарли. Он попытывал сигаретой и старался не подавиться дымом. – Убийцей почти всегда оказывается муж... или любовник.

Тара пробежала взглядом по строчкам и покачала головой.

– Она вдова. Ее муж погиб в автомобильной катастрофе два года назад.

– Стало быть, его нужно исключить, – сказал Чарли. – Но, может быть, у нее был ухажер.

– О господи! – взвизгнула Тара. – Только послушайте:

«Анонимный источник в полицейском управлении Брайтон-Фоллс подтвердил, что в желудке Андреа Макферлин сохранились остатки ее последней трапезы, съеденной лишь за несколько часов до смерти, – лобстера с топленым маслом. В крови также отмечено высокое содержание морфина».

– Лобстер? – повторил Чарли. – Странные дела.

По брезенту забарабанили капли дождя: сначала тихо, потом все громче и сильнее.

– Твой отец вообще говорил об этом? – спросила Реджи. – Я имею в виду, об этом деле.

Чарли покачал головой.

– Он никогда не говорит о работе. Даже теперь, когда об этой истории сообщают во всех новостях. Блин, да я больше узнаю из газет, чем из разговоров с ним.

– Не могу понять, – сказала Реджи. – Эта женщина отправилась в деловую поездку, приехала в аэропорт, но так и не попала на самолет. Так что же, убийца поджидал ее на автостоянке? Эта стоянка принадлежит аэропорту, верно? Если он схватил ее там, то почему никто ничего не видел?

– Может быть, она знала этого человека? Возможно, она и не собиралась в деловую поездку, а хотела провести романтический уик-энд со своим тайным любовником. – Тара широко распахнула глаза; ее обычно бледное лицо разругнилось. – Смотрите, этот тип накормил ее лобстером! Он позаботился о ней.

– Он отрезал ей чертову руку! – бросил в ответ Чарли.

– Но сделал это аккуратно, – протянула Тара и закрыла глаза. Она медленно описала левой рукой окружность над запястьем правой руки, пробежав пальцами по косточке на запястье и по сухожилиям на внутренней стороне. – Любовно... – Она открыла глаза, встала, медленно прошла по кругу и остановилась перед Чарли и Реджи. Казалось, все ее тело вибрировало, и Тара не могла стоять спокойно. Реджи никогда не видела ее в таком возбужденном состоянии. – Это был не какой-то слюнявый психопат с бензопилой в грязном гараже, – продолжала Тара, ломаясь, театральным голосом. – Должно быть, этот парень наложил кровоостанавливающий жгут и воспользовался настоящими хирургическими инструментами, – Тара сокрушенно улыбнулась. – Может, он даже любил ее на свой блевотный манер.

Ее взгляд остановился на стопке настольных игр в углу домика.

– У меня есть идея, – пропела Тара и почти бегом устремилась туда, где начала разбирать игры, и отодвинула в сторону «Наводящие вопросы» и «Монополию».

– Что ты делаешь, Тара? – спросил Чарли.

Она повернулась к ним со спиритической планшеткой в руках.

– Мы попробуем поговорить с ней. Может быть, она скажет нам, кто убийца!

– Ты шутишь? – Чарли выпучился на нее карими глазами.

– Давай, Реджи, – сказала Тара и протянула планшетку. –

Сделаем это вместе.

Реджи и Чарли лишь раз пользовались планшеткой, в десятилетнем возрасте; Чарли нервно шутил, пока Реджи снова и снова спрашивала: «Здесь кто-нибудь есть?» В конце концов у них устали руки, а в ногах закололо от долгого сидения, поэтому они убрали игру подальше.

– Ну пожалуйста, – умильно попросила Тара. – Нужны два человека, чтобы эта штука заработала.

Реджи уселась напротив Тары со скрещенными ногами, а планшетка устроилась у них на коленях. Они легко прикоснулись пальцами к пластиковой доске в форме сердца. Реджи посмотрела на доску с изображением солнца в верхнем левом углу и луны в правом углу, с двумя изогнутыми рядами букв и словом «Прощай» внизу.

– Мы призываем дух Андреа Макферлин. Ты слышишь нас? – громко, деловито спросила Тара. Свечи замигали, и по ее лицу пробежали отблески.

– Не стоит связываться со спиритическими досками, – сказал Чарли. – Помните, что случилось с тем пареньком из «Экзорциста».

– Тихо! – шикнула Тара.

– Вы обе долбанутые. Смотрите, как бы крышу не снесло.

– Ты не мог бы заткнуться? – сказала Тара. – Ты мешаешь нашей связи с миром духов.

Чарли презрительно фыркнул, взял газету и стал рассматривать карикатуры. Реджи, не мигая, смотрела на буквы на

доске, пока они не начали расплываться.

– Мы хотим поговорить с Андреа Макферлин, – повторила Тара, четко выговаривая слова и пытаясь подражать английской манере речи. Реджи подумала, что она может разыгрывать сцену из фильма, который недавно смотрела.

– Это не междугородний звонок, – ехидно заметил Чарли, не отрываясь от газеты.

Реджи вспомнила фильм «Экзорцист» и подумала о том, можно ли на самом деле стать одержимым, если пользуешься спиритической планшеткой. Что если это и впрямь похоже на открытую дверь в мир духов, откуда можно вызвать любого древнего призрака или демона?

Но такие вещи существовали только в кино. Впрочем, убийцы, которые отрезают женщинам руки, а потом кормят их лобстером, перед тем как задушить, тоже напоминали персонажей из голливудских страшилок.

Внезапно планшетка задвигалась, едва не выскочив из-под пальцев. Реджи приглушенно вскрикнула, хотя не собиралась этого делать.

Она понимала, что это Тара двигает доску, но в то же время ей хотелось поверить, что это происходит само по себе. Дыхание Реджи стало частым и неглубоким, свечи между ними отбрасывали на стены огромные тени, похожие на настоящих призраков.

– Андреа, ты здесь? – почти прошептала Тара.

Пластиковый указатель передвинулся к верхней части

доски, маленькое окошко застыло над словом «Да».

– Это Тара двигает его. – Слова Чарли были обращены к Реджи, но он перегнулся над краем газеты и широко раскрыл глаза.

– Заткнись, умник, – сдавленно прошипела Тара. Затем она повысила голос: – Андреа? У тебя есть сообщение для нас?

Ничего не произошло. Реджи так сильно хотелось пошевелиться, что она едва не потянула за край планшетки, но потом осознала, что делает, и остановилась.

– Ты можешь сказать нам, кто убийца? – спросила Тара. Она наклонилась над доской, вглядываясь в буквы. Ее лицо казалось красно-оранжевым, как у дьявола... или как у Пазузу⁹.

Реджи затаила дыхание в ожидании ответа.

У Тары закатились глаза, и она начала дрожать, сначала слабо, словно ее тело состояло из листьев, а ветер продувал ее насквозь.

– Тара, – прошептала Реджи. – С тобой все в порядке?

Тара ответила низким горловым стоном, закрыла глаза и свесила подбородок на грудь. Ее дрожь усилилась.

Может быть, у Тары эпилептический припадок? Или разговоры об одержимости обернулись правдой? Реджи знала, что это не так, что Тара просто устраивает представление, но тем не менее в ней постепенно нарастала паника.

⁹ Пазузу – демон, завладевающий телами людей в фильме «Экзорцист».

– Чарли, – сказала Реджи. – Что-то не так с...

– Здесь холодно, – сказала Тара. Ее голос был похож на змеиное шипение.

– А? – спросил Чарли и немного отполз назад.

– Там, где он держал меня, было холодно. Цементный пол, металлические трубы.

– О чем ты говоришь, Тара? – высоким, срывающимся голосом произнес Чарли.

– Меня зовут не Тара, – ответила она. Теперь, когда она повысила голос, Реджи уловила в ее речи какой-то новый акцент, но не могла связать его с чем-то определенным.

– Кто ты? – спросила Реджи.

У нее пересохло во рту. Это не могло быть правдой. Просто Тара затеяла одну из своих любимых игр, но зашла слишком далеко. Но, как бывало со всеми ее играми, что оставалось Реджи, кроме как подыгрывать? И разве это не волнующе – делать вид, что это могло произойти на самом деле? Реджи заставила себя поверить и почувствовала, как сильно забилося сердце, пока она ждала ответа, хотя заранее знала, что скажет Тара.

Дождь продолжал стучать по крыше. Отдельные капли залетали через окна и попадали на руку Реджи, покрывшуюся «гусиной кожей».

– Андреа, – с улыбкой ответила Тара. – Меня зовут Андреа Макферлин.

Реджи показалось, что в живот ударила шаровая молния.

Разряд электричества прошел через туловище, передался в руки, и кончики пальцев вдруг закололо, словно ток вышел наружу. Реджи отдернула пальцы от спиритической доски.

– Ох, ради бога! – воскликнул Чарли. Он встал и отшвырнул газету. – Это уже ни в какие ворота не лезет, Тара. Ты просто *больная!*

Он распахнул дверь нижнего люка и исчез в дождливой тьме. Разумеется, Чарли разозлился, но Реджи хорошо знала его и понимала, что другой причиной был страх. Чарли плохо выносил необъяснимые вещи.

Тара оставалась в состоянии транса – если это был транс, – уронив подбородок на грудь. Реджи затаила дыхание, не представляя, что может случиться дальше. Тара не двигалась. Ее дыхание стало странным и сипящим.

– Ты знаешь, кто он? – наконец спросила Реджи. – Нептун?

Холодные капли дождя просачивались из-под брезента и леденили кожу. Реджи задрожала и обхватила себя руками.

– Он никто и каждый из нас, – едва слышным шепотом ответила Тара. Реджи слышала ее тихие вдохи и выдохи. Потом Тара сказала: – Я знаю кое-что еще.

Реджи подалась вперед и почти прижалась лицом к лицу Тары. От нее пахло дымом и пеплом.

– Что? – спросила Реджи.

Тара сползла на пол, ее тело было вялым и безвольным, как у тряпичной куклы. Когда она заговорила, это было по-

хоже на легкий вздох:

– Он уже выбрал следующую девушку.

16 октября 2010 года. Брайтон-Фоллс, штат Коннектикут

– Чертов «Уолмарт»! – прошипела Реджи. Она вцепилась в рулевое колесо с такой силой, что заныли пальцы. – Разве мы только что не проехали «Уолмарт»?

Она бы ни за что не поверила, что может заблудиться в своем родном городе. Разумеется, после предыдущего визита прошло двадцать пять лет, но, казалось, изменилась сама география местности.

Сначала Лорен приглашала Реджи приехать на День благодарения и на Рождество (она никогда не опускалась до слов: «Было бы так приятно увидеть тебя» и ограничивалась комментарием вроде: «У нас с Джорджем полно еды, и было бы расточительством что-то выбрасывать»), но Реджи всегда находила предлоги, такие как домашняя работа, новые проекты или зарубежные поездки. В конце концов Лорен перестала приглашать ее.

Реджи выключила GPS вскоре после того, как у больницы в Уорчестере усадила мать в автомобиль. Вера с большим подозрением отнеслась к устройству. «Кто это говорит? – спрашивала она. – Откуда он знает, где мы находимся? Кто сейчас следит за нами?»

Реджи наконец выдернула шнур из гнезда, уверенная в том, что сможет добраться до «Желания Моники» по па-

мяти. Все шло замечательно, пока она не выехала на Эйр-порт-роуд и как будто оказалась в королевстве кривых зеркал.

– Это тот же самый «Уолмарт», – поучительным тоном сказала мать.

– Не может быть, – возразила Реджи. – Это означало бы, что мы прокатились по большому кругу.

Ей хотелось плакать. Она сделала глубокий вдох и напомнила себе, что несколько месяцев назад ездила строить дома на Гаити во время эпидемии холеры. Ради всего святого, разве она не сможет управиться с Брайтон-Фоллс в штате Коннектикут?

Вера хрипло захихикала. Она прошептала какое-то слово, которое Реджи не вполне расслышала, но похожее на «отсо-си».

С напряженными мышцами шеи и начинающейся головной болью Реджи всматривалась в четырехполосное шоссе, которое, как она была уверена, некогда называлось Мэйн-стрит. Если бы милоу назад они не проехали вывеску с надписью «Добро пожаловать в Брайтон-Фоллс», она бы усомнилась даже в том, что они находятся в нужном городе, не говоря уже о нужной улице. Перед Реджи один за другим вырастали торговые центры, покрытые зарослями блестящих надписей: «Старбакс», KFC, «Спортивные товары Дикс», «Чили Пеппер», «Олив Гарден», «Хоум Депо».

– Даже не похоже на прежний город, правда? Такое ощу-

щение, что мы можем находиться где угодно.

Вера кивнула.

– Где угодно, – согласилась она. – Скажи, ты не забыла упаковать мои часы?

– Часы? Я не видела никаких часов.

– Дедовские часы в передней.

Реджи поняла, что она имеет в виду часы из «Желания Моники».

– Скоро ты их увидишь, мама.

– Они отстают, – сказала Вера.

– Ты права. – Реджи вспомнила, как однажды им пришлось перевести стрелки почти на пятнадцать минут вперед.

– Нам только нужно найти Вест-стрит, да? – Она обращалась больше к себе, чем к матери. Реджи каким-то образом оказалась на полосе с поворотом налево и была вынуждена подрезать серебристый минивэн, чтобы не повернуть на автостоянку перед огромным винным магазином. Водитель вскинул руки и нажал на гудок. Реджи помахала ему в надежде на прощение.

Потом ее взгляд упал на одну из вывесок впереди: «Форды Бэрра». Дилерский салон, где хозяйничал Чарли. Салон до сих пор оставался на месте и фактически вырос в три раза. Перед входом горели буквы: «Никаких фокусов, только удовольствие. На Хеллоуин мы пересадим вас в новую телегу».

– Смотри, мама, салон Бо Бэрра! Ты помнишь Бо?

Глаза Веры матово блеснули.

– Малютка Бо потеряла овечек, не знает, бедняжка, где их найти.

– Э-э-э, ты училась с ним в средней школе. Бо Бэрр, помнишь?

Вера не ответила.

Немного дальше по улице был поворот на Ферст-авеню, ведущий к полицейскому участку. С Мэйн-стрит Реджи видела его очертания: внушительное здание из серого гранита с новой пристройкой слева. Эта новая часть здания была застекленной и имела какую-то уродливую линию крыши. Вместо органичного соединения со старой крышей она как будто *сталкивалась* с ней. Реджи переводила взгляд с нелепой пристройки на переднее крыльцо, где убийца оставлял картонки из-под молока с их жутким содержимым.

– Ладно, это Вест-стрит, – сказала Реджи и повернула направо – пожалуй, слишком быстро и резко. Железнодорожные пути, которые когда-то шли параллельно Вест-стрит, обзавелись мощным велосипедным переездом – единственное новшество, которое не раздражало Реджи до истерики.

Появилось гораздо больше домов, чем помнила Реджи. Некогда чистое поле напротив фермы Миллера покрылось многоквартирными домами с одинаковыми рядами черных входных дверей, окон с виниловыми рамами и верандами с грилями «Уэбер» на колесиках. Реджи гадала, как жильцы каждый вечер находят дорогу в собственный дом.

Они наконец-то свернули на Стони-Филд-драйв. У дома

на углу имелось фальшивое кладбище на передней лужайке. Зеленая рука тянулась вверх, словно прогрызая путь из могилы.

У Реджи что-то сжалось в груди.

– Мы почти приехали, мама, – сказала она и крепко, до белых костяшек сжала рулевое колесо, проезжая мимо поместья «Эскейп», ранчо и колониальных домов, которые выглядели точно так же, как она помнила. Соседи, чьи газоны выкашивал Чарли и которые покупали у нее лимонад, когда она стояла за прилавком с шариками попкорна и плитками шоколада «Херши» на Хеллоуин. На ветвях деревьев висели пластиковые летучие мыши и призраки из простынь, сработанные новыми поколениями родителей, – возможно, теми самыми ребятами, которых Реджи знала со школы и которые теперь обзавелись собственными маленькими гоблинами.

– Куда? – спросила Вера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.